

A movie poster featuring a man and a woman. The man, on the left, has dark hair and a beard, wearing a light grey shirt. The woman, on the right, has long blonde hair and blue eyes, wearing a light blue top. They are standing in front of a blurred city street background with a blue sky and clouds. The title 'ПАДАЙ, я люблю' is at the bottom, and the author's name 'Татьяна Семакова' is at the top right.

Татьяна Семакова

ПАДАЙ,
я люблю

Татьяна Семакова

Падай, я ловлю

«Литнет»

2024

Семакова Т.

Падай, я ловлю / Т. Семакова — «Литнет», 2024

– Ну ты и, – ошалело качаю головой, так и не сумев подобрать достойных этого примата эпитетов. – Родион, – представляется, повернувшись и пронзив меня взглядом. – Туманов Родион Сергеевич. Твой будущий муж. – Что? – глупо прыскаю. – Муж, – повторяет скупое и кивает на ремень. – Пристегнись. – Сначала объясни, что за бред ты несешь, – встаю в позу, а этот мерзавец резко трогается с места и сразу же дает по тормозам. – Свинья, – морщусь от боли в простреленном плече и отбитом животе, но пристегиваюсь. – Я не вижу другого способа сохранить тебе жизнь. Он угнал меня вместе с моей машиной! Втянул в неприятности, а теперь убеждает, что единственное безопасное место – рядом с ним. Я вынуждена согласиться, но вскоре понимаю, что его присутствие в моей жизни уже не необходимость, а жгучее желание.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	26
Глава 9	29
Глава 10	31
Глава 11	35
Глава 12	38
Глава 13	41
Глава 14	44
Глава 15	48
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Глава 1

Просыпаюсь от того, что мое тело приходит в движение. Резко открываю глаза, делаю глубокий судорожный вдох и в первые секунды искренне полагаю, что приснился сон. Один из тех, в которых падаешь с высоты на задержке дыхания. Собираюсь было посмеяться над собой, снять напряжение и развеять страх, но мешают мелькающие за окном огни.

Приподнимаюсь с заднего сиденья своего выдавшего виды и сменившего с десятков владельцев автомобиля и тут же врезаюсь головой в дверцу, взыв от боли.

– Какого хрена? – снимает вопрос с языка водитель. – Твою мать! – замечает меня, обращившись на мгновение. – Ну, не повезло тебе, – заключает флегматично и разгоняется, хотя казалось, быстрее уже невозможно.

– Что Вы делаете?! – истерю и возмущаюсь, садясь и вцепляясь в подголовник водительского сиденья.

– Выживаю, – бубнит себе под нос.

– Моя машина тут каким боком?! – толкаю мужчину в плечо. – Немедленно остановитесь!

– Забудь, – обрубает сухо и дергает рулем, разворачиваясь из среднего ряда через две сплошные.

Визжу и зажмуриваюсь, пока он не выравнивает машину.

– Не ори! – рывкает грубо. – И притворись мертвой.

– Большой! – луплю его по плечу ладонью. – Остановись! Сейчас же!

– Закрой рот, – рычит и направляет на меня пистолет через плечо, держа руль одной правой.

Сантиметров десять от холодной стали до кончика моего носа, не больше. И вести ему так неудобно, а я что же, без понятия совсем? Устраиваюсь на заднем сиденье поудобнее, пристегиваюсь, бросаю взгляд на приклеенную кем-то икону на торпедо и для надежности хватаюсь за дверную ручку.

– Пригнись! – выкрикивает мужчина неожиданно.

Басом.

Почему у него такой низкий голос? И такие плечи широкие. Он едва на водительском месте помещается, огромный какой!

– Пригнись! – орет так громко, что голос срывается до хрипа.

Я дергаюсь, опомнившись, но ремень врезается в грудь и получается лишь незначительно податься вперед. Паническая атака настигает меня вместе с первым выстрелом. С ужасом смотрю на лобовое стекло, покрывшееся сеткой трещин вокруг сквозного отверстия, и понимаю, что перед глазами темнеет. Думаю, что от страха, боли на адреналине совершенно не испытываю. Как будто бы даже соображаю: подныриваю под ремень и скрючиваюсь до самых колен. И глохну.

Нет, что-то я все же слышу. Мат неизвестного мужчины, его попытки открыть ответный огонь, но точно громкость кто-то убавил. А потом вдруг гул в ушах появляется, будто на реактивном топливе моя машина работает, и за этим шумом связь с реальностью теряю, цепляясь руками за водительское сиденье.

А ведь брат предупреждал, что район неблагополучный. Отговаривал, совал под нос статистику преступлений, в основном с применением огнестрельного оружия, которую Бог знает где нарыл, но у меня была своя – знакомая из техникума, осваивающая вместе со мной «барное дело». Она-то меня и порекомендовала владельцу, и после короткого собеседования меня взяли. Две недели успела отработать, чаевые – не сравниться с теми, что оставляют богачи в центре, считающие, что если платят баснословные деньги за напитки, я лично должна им и стакан, и ботинки до блеска натереть. А тут и отношение человеческое, и контингент попроще,

гораздо комфортнее. Учитывая, что у меня отец алкоголик со стажем и в одиночестве употреблять считает неприличным, я все равно что дома. Дебош вот только устроили сегодня, пришлось остаться и помочь уборщице с осколками и искореженной мебелью, совесть не позволила оставить ее одну разгребать бедлам, причиной которого отчасти являлась. Устала дико, за руль не рискнула садиться, прилегла подремать на заднее сиденье пару часиков, а теперь вот... почему слабость такая? Тихо совсем, уже даже мужик не орет, только ошалевший от перегрузок мотор ревет. Я разогнуться хочу, сесть нормально, но и того не выходит.

Машина сбавляет ход, но трясоти начинается только сильнее. Не то дворы, где асфальт десятилетиями не меняли, не то проселочная дорога, черт знает куда он меня завез. И от того, что даже не знаю, где нахожусь, становится жутко. Страх пульсирует в висках, простреливая почему-то в правое плечо, тело покрывается холодным липким потом. Пытаюсь вытереть испарину со лба, но правая рука не слушается. Даже пальцы онемели, кончиков совершенно не чувствую. И ознобом пробирает, изнутри колотит.

– Повезло тебе, – сообщает водитель, останавливаясь. – Или нет, – недовольно цедит через пару секунд. – Да твою мать! Сказал же, пригнись!

С трудом поворачиваю голову и вижу свое окровавленное плечо, к которому тянется мужская лапища.

– Нет, – бормочу и дергаюсь, а следом из груди вырывается жалобный писк: вернулись ощущения и плечо пронзила острая боль.

– Расслабься. Тупые девки не в моем вкусе, – хамит и нагло поддевает пальцем мою футболку, задирая рукав.

Слова обидные, но по существу. Я так вымоталась в баре, что, приоткрыв окна, забыла вытащить ключи из замка зажигания. Чертовы электрические стеклоподъемники, установил же кто-то. Да и... была бы умной, осталась бы жить с братом и его женой, пошла бы в ВУЗ, а не в техникум, лишь бы побыстрее получить хоть какую-то специальность, начать работать, съехать и не обременять их своим присутствием. Была бы умной, не повелась бы на сладкие речи настоящего мудака. И проверила бы его паспорт, прежде чем ложиться с ним. Не оказалась бы в самой унижительной ситуации в своей жизни. Не сменила бы работу в центре с приличным окладом на сомнительный бар в еще более сомнительном районе и ожидание подачек в виде чаевых.

– Царапина, – выносит вердикт мужчина и опускает ладонь на больную руку. Ведет от плеча к локтю, будто пытаюсь унять боль, успокоить, пожалеть. А потом и вовсе говорит то, чего я никак ожидать не могла: – Прости, – снимает с меня свою горячую крупную ладонь и выходит, не до конца прикрыв дверь.

Сижку скрюченная еще несколько минут, ожидая подвоха, но ничего не происходит. Потом соображать начинаю, пытаюсь вспомнить, куда положила телефон, а заодно, кого помимо брата я могу поднять с постели в этот предрассветный час. И как-то грустно становится, потому как выходит, что никого. А у него жена медсестра в частной клинике, если в самом деле царапина, то и в больницу ехать не придется. Только вот... он меня до гробовой доски нотациями доведет, а потом и вовсе заставит к ним переехать и работу сменить, а мне ни того, ни другого не хочется. Иришка беременная, им совсем не до меня, а я столько баров обошла, прежде чем на этот решиться, что повторять свое паломничество точно не готова. Да и не работа виновата, а я сама, будет уроком на будущее.

Кое-как сажусь, обвожу мутным от слез взглядом салон. Нахожу сумку под своими ногами, достаю мобильный и звоню Кристине, своей сменщице.

– Кто помер? – бормочет сонно, но отвечает чуть ли не моментально.

– Меня подстрелили, – сообщаю коротко, а после ее протяжного крика «что-о-о?!» поясняю быстро: – Вроде только зацепило, плечо. Прости, мне больше не к кому с таким... не хочу

в полицию, не хочу проблем, хочу просто не истечь кровью в своей машине с дырой от пули в лобовом. Как минимум.

– Не тараторь, – прерывает деловито. – Вести можешь?

– Могу, но не факт, что долго.

– Скинь точку, зажми рану и постарайся не отключиться, – дает инструкции, которые я в точности выполняю, но вместо ожидаемой подмоги через три минуты получаю еще больше проблем.

Глава 2

Слезы брызгают из глаз. Обида встает в горле тугим клубком. А я отчаянно пытаюсь ухватиться за запястья незнакомого мужчины, выволакивающего меня из машины за волосы.

– Где он?! – рывкуют сверху, когда я оказываюсь на асфальте, расцарапав локти.

«Все-таки асфальт», – думаю мимоходом, закрывая лицо руками.

– Где?! – повторяет вопрос нервный.

– Руки убери, – слышу еще один голос, показавшийся смутно знакомым. Раздвигаю пальцы, смотрю на него через щель и узнаю одного из завсегдатаев своего нового места работы.

– Убери, сказал! – орет и он.

Дергаюсь, пишу от боли и пытаюсь вновь зажать рану, продолжая закрываться второй рукой.

– Интересно, – заключает второй и достает мобильный из кармана, набирая кого-то и прислоня к уху. – Шеф, тачку нашли. Мужик ушел, а его девку зацепило и он ее бросил. Не, фигня, больше ожог. И это Саня. Ага, барменша. Понял. – Убирает телефон и бросает скупое: – Грузите.

– Что, – роняю с оторопью и дрожью в голосе, но оказать должного сопротивления, когда меня подхватывают двое мужчин под руки и за ноги, не могу.

Трепыхаюсь скорее для проформы, сил совершенно никаких. И вскоре оказываюсь на заднем сиденье чужой машины, зажата между двумя мужчинами. Само по себе неприятно, так от одного еще и так перегаром несет, а от второго одеколоном, что мутить начинает. Ведет неслабо, совершенно не соображаю и рада бы отключиться, но и с этим беда: похоже, в самом деле лишь царапина.

– Куда... – бормочу вяло.

– Заткнись! – прикрикивает тот, что справа и подло наваливается на меня.

Вою от боли, отмечая его ответный смешок, а когда боль утихает, вытираю слезы и поворачиваю голову, стараясь запомнить его. Если тоже в бар захаживает, а я выживу, подмешаю ему в пиво слабительного. А туалет закрою на ключ.

С вопросами больше не лезу, хотя едем довольно долго: аж в центр. А когда останавливаемся у шлагбаума на въезд во двор крутой новостройки в двенадцать этажей, не знаю, зарыдать или истерично рассмеяться, но глуповатая улыбочка появляется на моем лице и остается ровно до того момента, пока меня снова не выволакивают на асфальт, снова за волосы. И тогда-то и решаю, что не худо было бы использовать свой последний шанс на спасение.

– Да-ня-я-я-я!!! – ору во всю мощь легких, срываясь на визгливый хрип.

Не очень-то рассчитываю на успех, на самом деле. А вот ситуацию усугубляю.

– Заткнись! – рывкает мужик, крепко намотавший мои волосы на свой кулак.

Дергает рукой, я падаю на колени, сбивая их в кровь. Рыдаю и вцепляюсь в его кисть. Пытаюсь передвигаться гуськом, а не скрести ногами по асфальту, когда он тащит меня к подъезду. Больно и унижительно, но в моем положении особенно не по привередничаешь.

Консьерж в подъезде провожает меня настолько равнодушным взглядом, что сразу становится ясно, кричать «спасите-помогите» бесполезно. Но в последнюю секунду что-то мелькает в его взгляде. Недоумение, как будто бы. Что ж, оно и понятно: я неоднократно бывала тут, но проходила как леди. Мужчина, что был рядом со мной, галантно придерживал дверь и меня под спину, чтобы поймать, если вдруг от счастья ноги держать перестанут. Честно? Я была к тому близка. Улыбалась и искрилась как наш город, когда половину бюджета из казны тратят на новогодние украшения.

На лифте поднимаемся на третий этаж, а из него я вываливаюсь, падая на четвереньки, получив мощное ускорение от того же подонка, что давил на свежую рану.

– Сволочь! – выпаливаю, не выдержав.

– В самом деле, – слышу смешок и холодею от того, что узнаю голос мужчины. – Зачем так грубо?

Голову не понимаю, пытаюсь сообразить, во что вляпалась. Мужчина в паре шагов от меня – Дмитрий Зотов, владелец бара, в котором я работаю. А учитывая, что увезли меня на моей же машине от входа для сотрудников, логично предположить, что угонщик выбежал оттуда же. Но зачем им я?

Зотов подходит вальяжной походкой, протягивает мне руку. Не принять ее опрометчиво, я приподнимаю левую ладонь и, вытерев ее о джинсовые шорты, вкладываю в его, с трудом поднимаясь.

– Прошу, – указывает на распахнутую дверь в квартиру. – Пока в качестве гостя. Но все зависит от того, готова ли ты к сотрудничеству.

Ох, не нравится мне ни его тон, ни эта скрытая угроза. Разуваюсь, сообразив, по какой причине он вдруг замер в прихожей. Послушно прохожу в просторную гостиную, сажусь в огромное кожаное кресло, к которому он меня подводит. Чувствую себя неуютно, робко оглядываюсь, пока он устраивается на журнальном столике напротив меня, смиряя насмешливым взглядом.

– Ситуация не в твою пользу, Александра, – начинает хозяин квартиры и положения, а мои глаза расширяются от страха вперемешку с удивлением. – Смотри, какая интересная картина вырисовывается. Четыре года ты работаешь в «Гаване», лучшем баре города. Я видел тебя, неоднократно. Профессионал. Ловкая, дерзкая, твой шоу – выше всяких похвал. А потом вдруг увольняешься и оказываешься у меня, где мужики готовы сами себе наливать, лишь бы ты еще хоть одну пуговичку на блузке расстегнула, – один из прошедших вслед за нами парней издает паскудный смешок, виляя хвостиком перед шефом, а я не удерживаюсь и бросаю на него презрительный взгляд. – Дерзкая, – тянет с хрипотцой Зотов, блаженно прикрывая глаза и растягивая губы в ухмылке. – Надолго ли хватит твоей наглости, если я, скажем, выйду и оставлю тебя немного поразвлекаться с тремя голодными до свежего мяса мужиками?

– Что? – переспрашиваю с ужасом, облизывая сухие губы. Вжимаюсь спиной в кресло и отрицательно мотаю головой. – Не надо. Зачем Вам это? Что я сделала?

– Она спрашивает, – вздыхает Дмитрий горестно. – По-хорошему не получится, что ж... – кивает одному из парней и тот достает из-за пояса пистолет, вставая справа от меня и приставляя его к моей голове. – Имя, Александра. Имя, фамилию и, если есть охота, можешь пожаловаться на тяжелую женскую долю.

– Да о чем Вы вообще? – бормочу, скашивая взгляд на стоящего рядом.

– Ты хорошенькая, – улыбается мне Зотов, – но дуру из себя не строй.

– И в мыслях не было, – проговариваю четко, набрав слюны и сглотнув ком.

Вдруг раздается звонок в дверь, пистолет у моей головы дергается, я замираю, парализованная страхом, но парень успевает совладать с собой и выстрела не следует.

– Попей успокоительные, – морщится Дмитрий, глядя на подчиненного с неудовольствием.

– Так точно, шеф, – брякает парень.

Зотов переводит взгляд на того, кто звонил ему от моей машины и мотает головой в сторону:

– Открой.

В этот момент в дверь снова звонят, теперь уже настойчивее, и парень с пистолетом опять дергается. Зотов раздраженно раздувает ноздри и стискивает зубы, перестав быть похожим на того самодовольного симпатягу, что принимал меня на работу. Нет, этот мужчина – настоящий хищник. Безжалостный и опасный. А я – просто дура, что не послушала брата. Надо было

звонить ему... а теперь, если убьют, а тело спрячут, он искать будет. Жизнь на это положит, а у них с женой скоро малыш.

Горько всхлипываю от жалости к дорогому сердцу человечку и не сразу ловлю повисшее в комнате напряжение.

– Шеф... – роняет растерянно тот, что с пистолетом, привлекая внимание к вошедшему в комнату мужчине.

Зотов поворачивает голову в сторону двери, мое сердце замирает, но с его смешком разбивается вдребезги:

– Решил заглянуть на огонек?

– Вроде того, – хмыкает Даниил, засовывая руки в карманы. – По какому поводу веселье?

Глава 3

– Твоя принцесса пытается сделать из меня идиота, – сообщает Зотов, раздраженно цокая языком. – Смотрит в душу своими мультяшными глазищами и разыгрывает святую невинность. Качественно, должен заметить. Я почти купился.

– Я не понимаю, – лопочу, переводя взгляд с одного на другого. – Что вы пытаетесь мне вменить?!

– Вменить, – прыскает Зотов.

– У нее братец участковый, – ухмыляется Даниил, садясь на подлокотник кресла, на котором я сижу. – Понахваталась. Да, солнце? – касается пальцами моего подбородка, поворачивая и задирая мою голову. – Привет, сладкая, – подмигивает и поддевает мой нос указательным пальцем. – Так в чем дело? – поворачивает голову к Зотову.

– Я все думал, с хера ли она ко мне приперлась, – рассуждает Зотов с паршивой улыбочкой. – И наконец-то догнал. Сначала она спровоцировала драку в баре, потом осталась разгребать срач, села в свою тачку и дождалась того, кого впустила через вход для сотрудников подо всю шумиху. Но вот незадача, оказалась обузой, и он бросил ее в одном уютном дворике, а сам слинял.

– Что взял?

– Как будто бы ничего. Сейф не взломан, хотя не исключаю, что тупо не успел. Мои парни его засекли и погнали. Но, он второй тачкой заблокировал их, потеряли время. Когда нашли, он уже ушел. Но Сашенька ломается и не желает раскрывать личность преступника. Думает, наверное, что он одумается, придет и спасет ее, унеся в закат.

– Солнце, последний шанс, – Даниил гладит меня по голове, неимоверно раздражая и этими движениями, и вообще своим присутствием. Позвала на свою голову! Откуда они вообще друг друга знают? Или это нормально, просто завалиться на огонек по-соседски?

– Ты серьезно? – вскидываю голову, сталкиваясь с Даней взглядом. – Серьезно?! – повторяю громче и визгливей.

– Сменить «Гавану» на «Дублин», – морщится Даня и качает ладонью в воздухе. – Такое себе, малыш.

– Я три бара в центре сменила после «Гаваны», дебил! – ору на него, сорвавшись в истерику. Бью по пистолету, все еще приставленному к моей голове, парень с грохотом роняет его на пол, но мне плевать: двигаюсь в кресле подальше от Дани, разворачиваюсь, чтобы вопить ему в лицо. – Месяца не проходит и повторяется один и тот же концерт! Если бы не Крис, мне из-за тебя, мудака, пришлось бы в соседний город переезжать!

– Еще одно оскорбление, сладкая, и я вернусь в свою постельку, – цедит Даня, а я толкаю его левой рукой.

– Да пошел ты! Вали! Одни неприятности от тебя! Только жизнь начала налаживаться, только на ноги встала! – смотрю на него, от гнева аж трясусь. Кулак только на одной руке получается сжать, ссадины пульсируют, по руке от раны стекает раздражающая струйка крови. Но ярость и адреналин – прекрасные обезболивающие. Еще бы губы не дрожали как у обиженного ребенка, да в глазах слезы не стояли. – Ненавижу тебя, – роняю тихо.

Моргаю и опускаю голову, скрывая свое наверняка жалкое лицо за волосами. Забираюсь на кресло с ногами, обхватываю себя и сижу, тихо плача от бессилия.

– Кажется, девочка обиделась, – прыскает Зотов.

– Я бы тоже обиделся, – раздается насмешливый бас, который я узнаю моментально и едва сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться в голос. Радуюсь, что моего лица не видно и продолжаю шмыгать носом, пока мужчина заканчивает фразу, – если бы меня трахнул женатый мужик, забыв сообщить о своем статусе, а его психованная жена преследовала по всему городу.

– Погоди, – через смех проговаривает Зотов, – так это она тебя бросила?
– Да пошел ты, – огрызается Даниил, но Зотов ржет только громче.
– У девчонки кровотечение, – басит мужчина рядом. – Никого не смущает?
– Поэтому мы тебя звать и перестали. Ты зануда, – подкалывает его Зотов.
– Надо обработать и прикрыть. Сколько она уже в таком виде? – снова задирает мою футболку, а я скашиваю на него злобный взгляд. – Отвезу к Арсению. Потом поговорим.
– Хер там плавал, – шипит Зотов. – Сначала она расскажет, кому помогла ввалиться в бар.
– Психуешь так, будто он лично твой, – ехидничает Даня, а до меня потихоньку начинает доходить, как эта троица связана.

Только вот... на хрена громила влез в собственный же бар? Очень странно... Впрочем, мне до этого никакого дела. Моя задача – выжить. И, раз уж он соизволил присоединиться, шанс есть. Увезти меня хочет? Возражать не стану.

– Наш, – в той же язвительной манере отвечает Зотов, – и вам прекрасно известно, что...
– Не при девке, – обрывает его громила и приказывает мне: – Рассказывай. И без лирики. В твоих же интересах.

– С какого момента? – уточняю устало.
– С «Гаваны», – хмыкает Зотов. – Страсть как интересно!

Он подмигивает Дане с широкой наглой улыбкой и в нетерпении ерзает задницей по столу. Даня закатывает глаза, опершись спиной на спинку и пристроив ладонь на моем плече. А здоровяк скрещивает ручки под грудью, буравя меня въедливым взглядом.

«Цирк», – кривлюсь мысленно.

Расслабляю и опускаю колени на противоположный от Дани подлокотник. Выдыхаю раздражение и медленно наполняю кислородом легкие, пытаюсь не обращать внимания на боль уже не просто в плече, а во всем теле.

– Я работала в «Гаване» три года, когда Даниил пригласил на свидание. Закрутилось. О том, что он владелец, сказал только месяца через три. Но и тут, похоже, соврал, – презрительно фыркая, проверяя теорию, а Зотов запрокидывает голову, заходясь в безудержном ржаче, подтверждая.

– Она мне нравится, – невзначай отбивает тыльной стороной ладони по колену стоящего рядом с ним громилы.

– Дальше, – потирает угонщик.

– Кольца он не носит, заглянуть в паспорт ума не хватило. И в один день в его загородный дом заявляется его жена. С матерью, – Зотов вновь начинает смеяться, а я продолжаю, решив не дожидаться окончания истерики. – Я увольняюсь, устраиваюсь в другой бар. Испытательного срока не проходит, заявляется его жена, оскорбляет, кричит. Одна смена, вторая, не выдерживаю и снова увольняюсь. И так трижды. Понимаю, что о работе в центре можно забыть. Пишу в чат техникума, кто где. Отзывается несколько человек, встречаемся, болтаем. Но в основном либо не требуются сотрудники, либо середнячок с такой зарплатой, что хватит только на оплату квартиры. А Крис обещает чаевые. Решаю попробовать.

– Значит, за подачками пришла? – хмыкает Зотов.

– Представь себе, – отвечаю зло, отбросив церемонии.

– А то, что там через каждую первую рожу срок читается – это ничего? Не смутило?

– Ты понятия не имеешь, от какой падали я в пятнадцать в своей комнате закрывалась, двигая шкаф, – бросаю ему в лицо, подаваясь вперед. – Понятия не имеешь, как учить уроки под блатные песни до утра, пока все запасы паленой водки не закончатся и собутельники отца не уснут кто где. Понятия не имеешь, как стыдно у родного брата деньги на трусы кланчить. Ты вообще ни хрена обо мне не знаешь, а твои выводы касаются моей причастности – полная херня.

– Не заводись, – осаживает Даня.

– Пусть, – позволяет Зотов, глядя на меня с интересом. – Так что же произошло сегодня, красавица?

– А ничего, – развожу руками, откидываясь на спину. – Работала я. Пиво мужикам наливала. Стопочки ледяные в рядок на барной стойке составляла. Загляденье, все слюнями захлебывались, даже грудь обнажать не пришлось. И вдруг какой-то придурок хватает меня за руку и тащит через барную стойку, – опускаю ноги на пол и задираю футболку, показывая длинный неширокий синяк. – Шутка мне не понравилась, я схватила бутылку и огрела его по голове. Он не отключился, но разозлился. Его пытались оттащить и завязалась драка, к которой подключились даже те, кто вообще не видел, с чего сыр-бор. Окатила всех ледяной водой из шланга, многие очухались, кто нет – по настоянию охранника оплатили ущерб и продолжили на улице. Остальные расселись и еще пару часов чинно пили пиво.

– И кто может подтвердить? – хитро сощуривается Зотов.

– Да все, кто придет завтра с фингалом похмелиться, – фыркаю пренебрежительно.

– Спрошу. Дальше.

– Дальше пришла Валентина, убираться. Мужики стулья подбили какие смогли и свалили, Ден, охранник, заставил. А я помогла все убрать. А потом, – замолкаю и морщусь. – Устала я. Руки поднять не могу, спать хочется невыносимо. Легла на заднее сиденье, хотела немного подремать. Ключ забыла вытащить. Нет, вру. Мне это даже в голову не пришло, я же в машине сама. Окно приоткрыла и отключилась. А проснулась уже от гонки с применением огнестрельного.

– Опиши водилу, – басит здоровяк.

«Сволочь ты», – посылаю ему ласковый взгляд.

– Широкоплечий мужик в капюшоне. Матерился громко, велел пригнуться, что я и сделала. Когда он вышел, позвонила Кристине, попросила о помощи.

– Почему не брату? Мент же, – удивляется Зотов.

– Я не ищу проблем. И хочу получить расчет.

– Это вряд ли, – сообщает здоровяк. – Подъем.

– Сам отвезу, – поднимается вместо меня Даня и тянет за собой за руку.

Если бы у меня был выбор, с кем бы я предпочла поехать? С козлом, испоганившим мне и без того непростую жизнь, или с верзилой, который, не исключено, отправит в последний путь? Ведь я ясно дала понять ему, что узнала.

Глава 4

– Пряма как в лучшие годы, – гогочет Зотов. – Приходит Туманов и грубой мужской силой утаскивает с вечеринки самую красивую девочку.

– Именно, – нагло хмыкает здоровяк и, наклонившись, перекидывает меня через плечо. Визгиваю и зажмуриваюсь, обхватывая его обеими руками как получается.

Никак, вообще-то. Он огромный! И твердый, как камень! Прямо на отбитый живот давит своей мускулатурой!

– Она высоты боится, – проговаривает Даня отрешенно.

– Разберусь, – отбивает Туманов сухо и тащит меня, судя по всему, к входной двери.

– Обувь, – пишу ему в спину.

– Не понадобится, – сообщает странное.

Пока осмысляю, мы проходим в лифт. Двери закрываются, он тянет меня за ноги вниз, но пола достичь не дает, подхватывая на руки как невесту. Одна моя рука остается на его шее, а вторая безвольно лежит на животе.

– Опиши водилу, – ехидничаю и обиженно надуваю губы. – Так за что ты там извинялся?

– За это. И за то, что еще предстоит.

– О чем ты? – бормочу, тараща на него глаза.

– Не здесь, – прерывает разговор, даже не взглянув на меня.

Выходит из лифта, консьерж видит нас и со всех ног бросается к двери, так ловко открывая ее перед нами, что Туманов даже шага не сбавляет.

– Классная тачка, – поглаживаю торпеду его внедорожника, когда он, усадив меня на переднее пассажирское сиденье, занимает водительское место. – Но моя лучше, да?

– Сама виновата, – заявляет нагло. – Спать в незапертой машине с ключами в замке зажигания? Еще бы вывеску на крышу поставила.

– Ну ты и... – ошалело покачиваю головой, так и не сумев подобрать достойных этого примата эпитетов.

– Родион, – представляется, повернувшись и пронзив меня взглядом. – Туманов Родион Сергеевич. Твой будущий муж.

– Что? – глупо прыскаю, тараща на него глаза.

– Муж, – повторяет скупое и кивает на ремень. – Пристегнись.

– Сначала объясни, что за бред ты несешь, – встаю в позу, а этот мерзавец резко трогается с места и сразу же дает по тормозам. – Свинья, – морщусь от боли в простреленном плече и отбитом животе, но пристегиваюсь.

– Я не вижу другого способа сохранить тебе жизнь. Зотов тебе не поверил. Борисов и того меньше. И, раз уж я втянул тебя, мне и расхлебывать.

– Забудь, – бросаю дерзко. – Ни за что не выйду за такого, как ты!

– Никогда бы не взял в жены такую, как ты, – отвечает взаимностью. – Хотя, откажись. Это будет твой выбор и моя совесть будет чиста и спокойна.

– С чего бы твоей совести вообще на мой счет переживать? – бурчу, терзаемая сомнениями. – И естественно, я отказываюсь.

– Вот и славно. А теперь заглохни, мне нужно подумать.

«Козел», – награждаю его мысленно и отворачиваюсь к окну.

Мутит там что-то, а мне мучайся. Я правду рассказала, почти всю, с какой стати кому-то на меня сезон охоты устраивать? Сижу, размышляю и тут до меня доходит.

– Ты просто опасаясь, что я кому-нибудь расскажу, что там был ты, – ехидно сообщаю результат умозаключений.

– Расскажешь – убьют обоих.

- А меня-то с чего?! – взвизгиваю нервно.
- Туманов морщится от моего вопля негодования, но поясняет спокойно:
- С того, что никто не поверит, что мы не заодно.
- Почему это? – вскидываю подбородок. – Даня точно поверит!
- Даня не поверит первым, – хмыкает. – Ты вполне подходишь под портрет мстительной стервы.
- И в чем же заключается моя месть? – кривляюсь, но разговор, вопреки здравому смыслу, кажется интересным.
- Переспать с другом, по меньшей мере.
- Я скажу, что ничего не было!
- А я – что было.
- С какой стати?! – снова выхожу из себя и вдруг замечаю, что он пытается не засмеяться, пряча улыбку под бородой.
- Не одному же мне помирать, – бросает на меня игривый взгляд, а я растеряннo хлопаю ресницами.
- Ты чудовище, – заявляю убежденно.
- Я чуткий и терпеливый. И совершенно неважно, что мы оба скажем. У этих двоих собственное мнение. И один из них проворачивает то, что мне категорически не нравится, а значит, поспешит избавиться, не особенно вдаваясь в детали.
- Чем?
- Не вникай.
- Ты втянул меня в какое-то болото и даже палки не кинешь? – возмущаюсь, не особенно задумываясь над формулировкой.
- Могу. Если попросишь, – ухмыляется Туманов и только в этот момент до меня доходит, о какой палке он.
- Отворачиваюсь к окну, пряча свое покрасневшее от негодования, обиды и стыда лицо.
- А жениться на бывшей друга – это нормально?
- Не такие уж мы и друзья.
- Поворачиваюсь, бросая на него недовольный взгляд.
- Ты нарочно меня путаешь.
- Верно. Чтобы ты даже не думала совать свой хорошенький носик туда, где по нему получишь.
- Это я-то сую?! Я вообще спала! Ну ты и...
- Я извинился. И предложил временное решение, пока не разберусь. Выбор за тобой. Возмущенно фыркаю, не найдя слов. А со мной такое, вообще-то, нечасто случается.
- Приехали, – сообщает через пару минут, тормозя у обычной девятиэтажки. – Сиди.
- Первая помощь в машине? – кривляюсь едко, но он игнорирует, захлопывая дверцу.
- Обходит машину, открывает дверь с моей стороны и протискивается в салон, отстегивая мой ремень.
- Я пойду сама, – артачусь, глядя прямо перед собой.
- Туманов и это игнорирует, осторожно приподнимая мою правую руку и пристраивая на своем плече.
- Уймись уже, – вздыхает рядом с моим лицом, – и дай тебе помочь.
- Поднимаемся на самый последний этаж. Туманов ногой долбит в дверь и через тридцать секунд нам открывает заспанный худощавый мужчина, путаясь в собственных очках.
- Не суетись, – осаживает его Родион.
- Простите, Родион Сергеевич, – мужчина справляется с очками и сканирует меня быстрым внимательным взглядом. – Ерунда, – улыбается довольнo.
- О чем и речь, – поддакивает Туманов, проходит, разувается.

Вслед за мужчиной идет по узкому коридору, заполняя нами все свободное пространство. Проходит в просторную светлую комнату с больничной обстановкой и идет прямо к окну, рядом с которым стоит кушетка.

Вижу шпили высоток вдалеке и утыкаюсь носом в его грудь, справляясь с головокружением.

– Настолько плохо? – вздыхает, не спеша перекладывать меня.

– Нормально, – бормочу, стараясь дышать глубже. По факту, полной грудью затягиваясь его запахом и испытывая по этому поводу крайне неуместное волнение. Чем от него пахнет? Древесные ноты, немного цитруса... и гребаный тестостерон. Мужиком от него пахнет, вот чем! Грубым и сильным, но надежным. Только сильнее голова кружится... – Опusti, – выпа-ливаю, но добавляю: – Пожалуйста.

Туманов на миг разжимает руки, не наклоняясь, я теряю опору и делаю короткий судорожный вдох, готовясь упасть с небоскреба, не меньше. Сердце останавливается! Когда он вновь ловит меня, обхватываю его шею и неожиданно начинаю плакать.

– Прости. Не удержался.

Я устала. Я невыносимо устала.

– Я хочу домой, – хнычу тихо, заливая горькими слезами его рубашку.

– Отвезу, – обещает, прижимая к себе теснее.

Глава 5

На обратной дороге засыпаю на заднем сиденье. Ведет он неторопливо, размеренно, но на родных ухабах все равно просыпаюсь. Сажусь и приглаживаю волосы, с отвращением готовясь предстать перед зеркалом. После этой ночи у меня видок портовой девки, если не похлеще.

– Спасибо, – хмыкаю, хватаясь за дверную ручку, когда он останавливается у нужного подъезда. – Дальше как-нибудь сама, ты сделал достаточно.

Бросаю на него прощальный взгляд. Он хмурится, развернувшись ко мне. Как будто сказать что-то хочет, я почему-то медлю, так вдруг любопытно узнать, что именно. Но, он – молчит, я – выхожу, ступая белыми носочками на мокрый асфальт. Странное дело, во всем городе сухо, а у меня на районе лужи. Точно над домом нависла грозовая туча.

Рюкзак из моей машины мы забрали. Он даже выдал что-то, вроде как машину сам пригонит. Я только плечами пожала: вести самой сил не было, хоть и не болело особо ничего: тот мужчина начинил меня обезболивающими и антибиотиками и даже отсыпал что-то с собой, расписав схему приема.

Открываю дверь подъезда, мельком оборачиваясь и отмечая, что он до сих пор стоит. Чего ждет? Убрался бы, да подальше. И на работу я не выйду, пусть увольняют за прогулы. Нет ни малейшего желания играть в их мужские игры.

Дома первым делом иду в ванну, ненадолго застывая перед зеркалом. Светлые волосы в беспорядке, раскинуты по плечам. Взгляд с придурью, под глазами синяки, на лбу и щеке засохшая кровь.

– Маньячка, – брякаю удрученно.

Залезаю в ванну, неловко обмываясь, чтобы не намочить повязку. Голову мою отдельно от тела, раздражаясь с этого особенно. Сушусь, с остервенением расчесываясь. Выхожу абсолютно голая, топаю в спальню и замираю на пороге, не зная, куда себя деть. Неловко прикрываю руками самое сокровенное и верещу:

– Совсем ахренел?!

А я, похоже, из ума окончательно выжила: дверь-то не закрыла. Прошла, только захлопнув.

– Красавица моя, – довольно тянет Даниил, пожирая меня взглядом. – Соскучился я, солнце. Иди ко мне, – убираю руку от груди и показываю ему средний палец, вложив в жест всю оставшуюся после его вмешательства (и моего помешательства) душу. – Не так уж и злишься, – хмыкает и поднимается, медленно идя ко мне.

– Проверь, – кривлюсь и ищу взглядом, чем бы его огреть, если распустит руки.

– Брось. Хотела бы унижить меня, рассказала бы мужикам, как я таскался за тобой, умоляя выслушать. Пока ты квартиру не сменила, не поменяла номер и не устроилась в дыру, по чистой случайности оказавшуюся моей.

– Понятно, – закатываю глаза и дефилирую к шкафу. Распахиваю створки, выдвигаю ящик с бельем и чувствую его руки на своем животе.

– Сашка моя, – рычит приглушенно, несильно прикусывая плечо. – Я тебя искал. Все это время искал. И ты сама меня позвала. Давно уже не спал нормально, как ты из моей постели удрала, и твой вопль узнал сразу.

– Перестань, – хочу сказать строго, руки его с себя снять, но... кого я пытаюсь обмануть? Голос дрожит, любила ведь мерзавца. До сих пор будто не остыла, только обида все прочие чувства перекрывает.

– Дурочка ты, – вздыхает мне в шею, притягивая к себе. – Но теперь не отвертись. И наконец-то выслушаешь. Кольцо не ношу, потому что мой брак – туфта. С Маринкой нас свели

родители, это чисто бизнесовое решение. И мы нашли решение, у нас свободные отношения. Я не мешаю жить ей, она – мне.

– Только мне, – ехидничаю, пихая его локтем куда придется. – Оба.

– Недоразумение. Я не должен был ехать на дачу, тем более с женщиной. Мой косяк. Но ты так хотела поплавать, а я ни хрена тебе ни в чем отказать не мог. Кто ж знал, что она с маман припрется?

– И поэтому надо травить меня? Орать, что я шалава, что с женатыми сплю чуть ли не за барной стойкой. Я не ушла трижды, придурка ты кусок, меня трижды уволили!

– А позвонить? – рычит и разворачивает меня за плечи лицом к себе. Злюсь, пыхчу, а он настырно тянет мой подбородок вверх. – Гордость заела, а, Сашуль?

– Заела, – отвечаю дерзко. – Представь себе. Никогда шалавой не была и любовницей не буду.

– Куда ж ты денешься, – вздыхает и целует.

Вот мерзавец! Но такой нежный...

– Не надо... – мычу, но сама отстраниться не могу, тая от его прикосновений.

– Но вместо того, чтобы позвонить и рассказать, ты сменила номер, – продолжает тихо отчитывать в губы. – Переехала. Машину поменяла, на себя не переоформила. А могла бы и дальше греться на моих руках и, если уж на то пошло, на моей шее. В моей квартире, а не в этом клоповнике. В моей, Саш, на первом этаже. Той, которую я специально купил, чтобы тебе страшно не было оставаться у меня. Для нас, осознаешь?

– Ты никогда не разведешься, – стону жалобно, на мгновение теряя контроль.

Чувствует, стервец, щедро подливая сиропа на мою голову:

– Ну, почему же. Когда-нибудь папаша даст дубу и это развяжет нам с Маринкой руки. Поделим имущество по-тихой, пойдем каждый своей дорогой. Но это не мешает нам жить вместе. Надумала себе хрен пойми что, кто так делает, солнце?

– Я, – роняю тихо, обхватывая его за шею и жадно целуя, поддавшись порыву, – не надумала, – договариваю, с трудом оторвавшись от него. – Ты должен был сказать.

– И что бы это изменило? – вопрошает недовольно.

– Я никогда бы не пошла с тобой на свидание. Никогда бы не позволила себе увлечься. Никогда бы не легла с тобой. Не лишилась бы нормальной работы и не попала под подозрения человека, которому признавалась в любви. И который признавался мне, – раскладываю, глядя ему в глаза.

Даня морщится и делает шаг назад, запуская обе пятерни в золотистые волосы. Красивый он. Когда-то думала, самый красивый мужчина на планете. Сейчас... да также. Не слишком высокий, но с моими метр шестьдесят четыре полная гармония с каблуками и без. Лицо как с обложки журнала. Красивые голубые глаза смотрят нагло и требовательно. Спортивное телосложение, идеальное в моем представлении: никогда не засматривалась на качков.

– Ничего не изменилось, – выносит вердикт, обдумав мои слова. – Я все еще люблю тебя. Только теперь хочу понять, в какое дерьмо ты вляпалась, пытаясь в отместку отравить мне жизнь.

– Я сказала правду сегодня, Дань.

– Может да, а может и нет, – разводит руками, хмуро глядя мне в глаза. – Зотов вызвал Кристину на разговор, а она, представь, не приехала.

– В смысле? – бормочу, холодея и покрываясь мурашками.

– В прямом. Он ее даже не нашел. Телефон отключен, на квартире никого. Она тебя рекомендовала, это факт. Но что до остального...

– Подожди, – выставляю вперед ладонь, пытаясь думать. – Ко мне какие претензии? Я обратилась за помощью к сокурсникам, у меня даже переписка сохранилась... – замолкаю. – Точнее, я написала в чат, а она позвонила где-то через неделю.

Даня достает из кармана мой телефон и бросает его через плечо на кровать. Понимаю, что схватила рюкзак из машины и даже не проверила, в сохранности ли мое имущество. А ведь она открытая стояла, все с теми же ключами в замке зажигания.

– Пароль ты так и не сменила, так что мы уже пошарили, – сообщает, сунув руки в карманы и гипнотизируя меня взглядом. – В чате, о котором ты говоришь, ее даже нет. Она вышла из него два года назад. А в «Дублин» устроилась за неделю до тебя. Ее сменщица уволилась через три дня, а потом появилась ты. И как прикажешь тебе верить?

– Как я верила тебе год! – срываюсь и рявкаю на него, сжав кулаки.

А потом вспоминаю слова Туманова и понимаю, как выгляжу со стороны. Как мстительная сучка. Только вот чьими стараниями? Зачем это кому-то? И где, черт возьми, Крис?

Глава 6

С Даней, конечно, ругаемся. Я одеваюсь (и одно это его бесит) и настаиваю на своем, он лезет в бутылку, приказывая сознаться в злодеяниях. По итогу шваркает дверью, которую вообще неясно как открыл, пригрозив перед этим, чтобы плакаться к нему не прибегала и во дворе не орала. Скотина.

Ставлю у двери стул, чтобы хотя бы проснуться, если кто-то еще решит почтить меня своим присутствием, закрываю окна, чтобы не реагировать на шум с улицы, ложусь на свою кровать и практически мгновенно засыпаю, несмотря на рой мыслей.

Просыпаюсь от того, что ужасно болит плечо. Хнычу по-детски, переваливаюсь на спину и какое-то время просто жалею себя. Ну а что? Мне грустно. Обидно, больно, страшно и чудовищно одиноко. И мерзко от самой себя, что позволила себе дать слабинку и поцеловала козла. Просто он такой красивый, а я так любила его... да и жена ненастоящая, если, конечно, и тут не обманул.

Вообще, не удивлюсь. Врет он как дышит. В глаза заглядывает, ручки тискает и прочие части тела, подарочек в кармашек сует и нашептывает комплименты вперемешку со сладкой ложью. Обещаниям его грош цена. Искал он меня, смех. Что ж если искал, так и не нашел? Все жена его, да жена. Поразительно. Я номер-то сменила и прочее уже после второго по счету бара. Да и перебралась недалеко, в соседний подъезд, чтобы от папы слишком далеко не уезжать и хоть минимально присматривать. А таскался только пока я в «Гаване» работала. Пока его женушка меня там случайно не увидела.

И как он повел себя у Зотова. Знал прекрасно, что я в «Дублин» устроилась. Никаких сомнений. А теперь вспоминает былое, пытаюсь манипулировать мной. Кретин самодовольный, даже мысли допустить не может, что я мечтала забыть его как ночной кошмар. Какая, к черту, месть? Мне бы работу нормальную, чтобы концы с концами сводить после большого и светлого с ним.

И Туманов. Выглядит адекватным. Честным и искренним. Но не он ли всю эту канитель заварил? Так ли уж случайно сел в мою машину? Не заодно ли с Кристиной с самого начала? Не пытается ли сделать меня мишенью, пока сам якобы в чем-то разбирается? И ведь не спросишь... точнее, спросить-то можно, но ответ будет прежним.

– Не вникай, – передразниваю его бас и раздраженно скидываю с себя простынь. – Жена, – добавляю в том же ключе, вырливая в коридор.

По инерции делаю еще два шага, а затем взвизгиваю, увидев огромный темный силуэт на стуле в прихожей, буквально в шаге от себя. Сердце замирает, но адреналин лупит в мозг, приказывая действовать. Ну я и... приседаю, поднимаю какую-то туфлю с пола и швыряю в громилу, только в тот момент сообразив, что это Туманов.

Обувь мою он, конечно, ловит. Аккуратно ставит на пол, распрямляется и расправляет плечи. Становится не по себе. Плюс ко всему, я в пижаме, не особенно что-то скрывающей. И он – не Даня, который видел все во всех возможных ракурсах. Сглатываю и делаю крошечный шаг назад.

– Подумал, что могут прийти те, встречи с которыми ты не ждешь, а я – напротив. Но, не повезло. За стул спасибо, очень предусмотрительно, – сообщает и поднимается. – Но ноги затекли.

Я с ним еще рядом не стояла. А он вроде и не слишком близко, но возвышается надо мной горой. Смотрю ему в грудь, глаза поднимать не планирую вообще никогда, что бы вокруг меня не происходило.

– Уходи, – шепчу пугливой птичкой.

– Где твое сострадание? В машине еще теснее. В той, что не привлечет ко мне лишнего внимания. Крошечной консервной банке.

– И уезжай.

– Могу. Но Даниил, полагаю, приезжал не просто так, а с новостями. Ты не прониклась, а вот я – да.

– Где гарантия, что Кристина не заодно с тобой?

– Ее нет. Но проверить сможешь только на личном опыте. Выгонишь меня – заявятся. Наверняка пасут с твоего звонка подруге и прекрасно знают, что ты все никак не останешься одна.

– Ты нарочно меня пугаешь...

– Я поясняю и предупреждаю.

– Просто оставьте меня в покое, – молю, все-таки поднимая взгляд.

– Жалко мне тебя, дура, – говорит беззлобно. Глаза у него карие, теплые. И лицо мохнатое. На добродушного песика похож, из тех, огромных, на которых детей кататься сажают. Но я еще слишком хорошо помню, как он гавкает. – И вину за собой чувствую.

– Я не верю ни одному твоему слову. И не собираюсь. Потому что причин для твоего появления может быть куча.

– Веришь. Просто вредничаешь, – ухмыляется краешками губ. – Жена.

– Да ну тебя, – фыркаю, опуская голову и закрывая лицо руками.

– У тебя будет отдельная комната с ванной, – заманивает лукаво. – И только при таком раскладе ты сможешь слиться из «Дублина». Не сразу, меня одним взмахом ресниц на проймешь. Через недельку.

– Кремень, – поднимаю голову и потрясаю кулаком, едва сдерживая улыбку.

– Это правда, – величественно прикрывает веки. – Отыграем так, чтобы все выглядело натурально. Свадьбу сыграть тоже придется реально.

– Это еще зачем? – таращу глаза и сразу же поправляюсь: – И я еще не согласилась.

– согласишься. И это не я такой крутой, тебя просто помотает. А свадьба, потому что моя мама расстроится, если я женюсь тайно.

– Мама? – брякаю, расширяя глаза еще сильнее.

– Я появился ровно из того же места, что и все.

– Непохоже...

– И с ней будь стервой, не хочу, чтобы она огорчилась, когда мы разведемся.

– Брачный контракт сейчас обсудим или когда я все-таки соглашусь? – язвлю и прикусываю язык. – Если.

– Когда. Хоть тут соображаешь, – хмыкает нагло. – И нет, по любви контракты не составляют. Так что можешь оттяпать половину честно нажитого. Совместно. На остальное у меня чеки.

– Все продумал, да? – все-таки улыбаюсь и покачиваю головой. – Не понимаю, зачем тебе это. Перешагнул и живи дальше, разбирайся, с чем ты там разбираешься.

– Во-первых, я твой должник. Могла бы ткнуть в меня пальцем еще ночью. Итог у этого был бы плачевный, но тебе об этом знать было неоткуда, – мимоходом размышляю о том, что и сейчас ни черта не знаю, но с комментариями не спешу, ожидая продолжения – А, во-вторых, не выношу, когда обижают женщин. У меня пунтик.

– Вот как? – приподнимаю брови.

– Отец бил мать, – поясняет, пожав плечами. – Именно поэтому я с семи лет торчу в качалке.

– И как? Помогло?

– Да. К восьми я осмелел, стащил у пьяного отца получку, заплатил мужикам, которые там висают, и они отметили его до больничной койки, – рассказывает с абсолютно серьез-

ным лицом. – А когда он вернулся, обнаружил свое барахло на площадке и что ключ не подходит.

– Ты серьезно? – спрашиваю с сомнением.

– Абсолютно.

– И как вы жили? Он же не взял вещи и просто ушел?

– Нет, он выломал дверь. Но это матери уже рассказали соседи. А мы уехали в другой город через день после того, как он оказался в больнице. У мамы было немного денег и огромное желание сохранить мне жизнь, потому что о том, кто заказал побои он догадался сразу.

– Господи... если это шутка, я сама тебя прикончу. Кошмар... – бормочу, снова тараща на него глаза. Ощущение, что я на этого мужика по-другому даже не смотрю. В перманентном состоянии шока.

– Это не шутка. Но знают единицы, я не делюсь подробностями своего детства со всеми подряд. Ты должна знать такие вещи, как и другие мелочи. И в обратном порядке, разумеется.

– Как-то... перебор для фиктивного брака, не находишь?

– Фиктивный он только для нас с тобой. Для остальных должен быть настоящим, иначе вреда будет больше, чем пользы.

– А какова реальная причина, по которой ты так настойчиво добиваешься моей руки? – спрашиваю в лоб, храбро встретившись с ним взглядом.

– Только те, что озвучил, Саш, – впервые называет меня по имени, а я разворачиваюсь и быстро ухожу в комнату.

Потому что, блин, у меня по телу побежали мурашки от его низкого вкрадчивого голоса и нагло встали соски, вонзаясь в ткань обычной трикотажной пижамы, не способной скрыть этого постыдного факта. И к такому приколу от собственного тела я точно не готова!

– Уходи, – говорю громко и через пять секунд он покидает мою квартиру, но врывается целый отряд.

Страхи, сомнения, тревога.

Тоска.

Одиночество.

Чувство незащищенности, утраты... а ведь за его спиной меня даже не видно. За его спиной можно палатку разбить и переждать опасность в тепле и сухости.

Если бы не одно жирное «но». Если опасность – это не он сам.

Глава 7

Около часа слоняюсь по квартире, то и дело заглядывая в окна. Когда уровень тревожности в ожидании неприятностей превышает все допустимые нормы, решаю действовать. Хватаю телефон и звоню Кристине, но абонент ожидаемо недоступен. Где она живет я не знаю, но может знать ее бывший парень, с которым она встречалась еще в годы учебы. Довольно долго слушаю гудки, звонок прерывается, но я настырно звоню еще трижды, прежде чем слышу ответ:

– Да, алло!

Голос бодрый, чуть ли не радостный, что само по себе странно: я терроризирую его звонками.

– Денис, привет! Это Саша Колосова, – представляюсь на всякий случай.

– Да-да, я узнал, – отвечает торопливо. – Чего хотела? Я немного занят.

Ни тебе «ух, ты, какие люди!», ни «как жизнь?», ни даже «я тебе перезвоню». Интересно.

– Дай адрес Крис, – решаю и я не бродить вокруг, да около. – Она мне работенку обещала подкинуть, но пропала.

– Без проблем, сейчас пришло, – отвечает счастливо, будто я ему миллион за информацию пообещала. Точнее, уже вручила. И встала на колени, расстегивая его ширинку. В общем, вне себя парень. – Пока, Сань!

– Пока, – говорю уже в пустоту, потому как он сразу же отключается.

Но, адрес присылает, и я начинаю собираться, гадая, сдержал ли Туманов слово и пригнал ли мою машину хоть в какой-нибудь кондиции.

Из квартиры выхожу без опаски, но, чуть только поворачиваюсь лицом к двери, держа наготове ключи, слышу тихий хруст песка под чьим-то ботинком. Звеню связкой, мешкая с закрытием, прислушиваюсь, но сердце вдруг так колотиться начинает, что я не выдерживаю и оборачиваюсь через плечо. И вижу, как по ступенькам вверх крадется какой-то мужик. Он ловит мой взгляд, замирает также, как и я, а потом с рывка поднимается, перепрыгивая через две ступеньки, а я распахиваю дверь и шныряю в квартиру.

Когда закрываю, вижу его рожу в полуметре от себя, а за ним еще одного мужчину. Успеваю хлопнуть дверью, а вот закрыть на замок – нет. Мужчина дергает за ручку с обратной стороны, опуская ее вниз. Моя вспотевшая от стресса ладонь соскальзывает и единственный выход, который у меня остается в сложившейся ситуации – окно.

Совершаю марш-бросок до кухни, со скрежетом распахиваю старую деревянную раму, радуясь, что владельцы поскупились на решетку, а я на шторы, успеваю залезть на подоконник, а вот спрыгнуть – нет. Мужчина хватает меня за локоть, дергает на себя, и я с грохотом падаю на кухонный пол.

Перед глазами круговерть, я отчаянно брыкаюсь и дергаюсь, пока двое пытаются скрутить меня. Хватаю табуретку за ножку, пытаюсь отбиться, но и ее у меня отбирают, вышвыривая прямо в окно. И в тот момент, когда я уже готовлюсь предстать перед создателем, слышу топот в коридоре и меня вдруг резко оставляют в покое.

– Вот суки! – возмущается Зотов, взмахивая рукой, в которой держит пистолет.

Быстро заталкивает его за пояс и ловко перепрыгивает через подоконник прямо на улицу, преследуя моих обидчиков. Я подсакиваю с пола, выглядываю, но поначалу никого не вижу. А потом появляется Туманов, волоча за собой одного из тех двоих. Просто держит его бесчувственное тело за щиколотку и неторопливо идет к подъезду.

Мои глаза уже привычно расширяются и в этот момент Родион поднимает взгляд, сталкиваясь с моим. Сдержанно кивает и скрывается из вида, заходя в подъезд.

Звонит.

Открываю.

– Позволишь? – интересуется, продолжая держать мужика за щиколотку.

– Он... мертвый? – уточняю немного охрипло.

– В отключке.

Молчание.

Борьба разума, логики и здравого смысла с любопытством.

– Проходи, – вздыхаю и отступаю. – А где Зотов?

– Побегает и вернется, полагаю.

– Вы... вместе?

– Он меня даже не видел, – хмыкает, втаскивая мужика на кухню. – Но мы оба видели этих двоих и оба решили дождаться и проверить, местные или по твою душу.

– И что им от меня надо? – бурчу, глядя, как он переворачивает мужчину на живот, закладывает бесчувственному телу руки за спину и берет со стола кухонное полотенце.

– Скоро спросим. Веревка есть?

– Нет, – отвечаю без задней мысли, и он с треском рвет полотенце на три лоскута. – Эй! – возмущаюсь, складывая руки под грудью.

– Я куплю тебе новое.

– Все только обещаешь, – ворчу тихо.

– Предложение в силе, а твоя машина с торца дома. Под окнами не было места, там стоит моя.

– А ключи?

– В ней, – ухмыляется, связывая мужчине руки.

– Смешно, – кривляюсь, приседая и разглядывая пленного. – Он точно живой?

Мужчина начинает стонать, а я дергаюсь от неожиданности и плюхаюсь на задницу под громогласный гогот Туманова и не сразу замечаю Зотова, замершего на пороге с вскинутыми от удивления бровями.

– Мужик, я даже не знал, что ты умеешь, – проговаривает Дмитрий озадаченно.

– С одного удара отправлять в нокаут? – хмыкает Туманов, заканчивая с пленным и расправляясь.

– На это посмотрелся... – отвечает задумчиво, окидывая меня придирчивым взглядом.

– Так, ладненько. Кто тут у нас? – приходит в себя и протискивается на мои шесть квадратных метров.

Пинает лежащего, но получается слабо: размахнуться негде. Этот факт удовольствия ему не доставляет, он шарит по шкафам, находит кастрюлю и набирает в нее холодной воды, насвистывая. Я успеваю закрыть окно и встать, пока он не переворачивает мужчину, поливая его сверху.

– Слышь, ушлепок! – приседает и лупит его по мокрым щекам. – С добрым утром блять! А ты, кстати, откуда тут? – вскидывает голову, обращаясь к Туманову, но тут же морщится и хватается за шею, ворча: – Черт здоровый. Сядь, что ли.

– А ты? – насмешливо вопрошает Родион.

– Тоже хочу тет-а-тет с красоткой, – Зотов поворачивается и подмигивает мне. – Но что-то мне подсказывает...

– Ты всегда неплохо соображал, – прерывает его Туманов. – Но бухгалтерию веду я, не забывай.

– О чем вы? – напрягаюсь, поочередно глядя с одного на другого, но ответом меня не удостаивают и, на их счастье, мужчина на полу начинает подавать признаки жизни.

– Счастье мое, – ласково приветствует его Зотов и улыбается так, что мне снова хочется выйти через окно.

– Я ничего не знаю, – хрипит мужик. – Сказано – взять девку и привезти по адресу.

– Ты молодец, – хвалит его Дмитрий, поглаживая стволом пистолета по щеке. – Продолжай.

– Заказчика не знаю, Марат собирает, мы только выполняем. И физически он на Кипре, точно где не скажу.

– Суки, – вздыхает Зотов разочарованно.

Встает, стискивает челюсти, передергивает затвор пистолета, направляет на лежащего на полу мужчину и нажимает на курок.

У меня сердце в ужасе останавливается! Крик в горле застревает. Пульс взлетает так стремительно, что перед глазами темнеет. Я закрываю лицо руками и долго не решаюсь посмотреть на пол. А когда приоткрываю глаза и раздвигаю пальцы, понимаю, что звука выстрела так и не последовало, лишь глухой щелчок. А потом вижу красный флажок с надписью «bang», торчащий из дула.

Прислоняюсь спиной к окну, пытаюсь вернуть себе душевное равновесие, а Туманов спрашивает на меня взгляд и бубнит:

– Запарил ты со своими приколами.

– Сейчас исправлю, – обещает Зотов и достает из-за спины еще один пистолет, направляя на мужчину.

– Завязывай, – осаживает его Родион, сурово сдвинув брови.

– Вот и не выебывайся! – раздражается Зотов и, наступая на ноги лежащего на полу, идет в прихожую. – Пришлю за ним. Сашуля, не опаздывай завтра!

– Псих, – выдыхаю, провожая Зотова взглядом через окно. – А почему мы не спрашиваем адрес?

– А смысл? Второй уже доложил, что они облажались, – пожимает плечами Туманов.

– Понятно, что там никто не ждет, но и сам адрес может натолкнуть на мысли, – возражаю и достаиваюсь долгого внимательного взгляда, чувствуя странную оторопь.

– Адрес, – наступает Туманов на грудь мужчины, очнувшись. Мужчина хрипит ответ на выдохе, а я снова лезу с вопросами:

– Нам обязательно дожидаться тех, кто приедет за ним?

– Нет. Открой окно.

Повинуясь и через пару секунд он, не особенно напрягаясь вышвыривает мужчину, схватив за руки и штанину. Морщусь, провожая полет взглядом, но стою под окнами странным образом радуюсь. Обидеть Сашу может каждый...

Глава 8

– Ключи правда в машине? – провожаю свою малышку взглядом, когда мы выезжаем со двора.

При том, на его внедорожнике, который он оставил у другого подъезда. А меня стерег, судя по всему, в тонированной по всем окнам «восьмерке», которую я видела впервые, но она невероятно гармонично смотрелась во дворе без колес.

– У меня в кармане, – сообщает с ухмылкой.

– А должны быть у меня, – замечаю пространно, но он игнорирует.

– Куда едем?

– По тому адресу, что назвал мужик, – делаю вид, что удивляюсь вопросу. – Думала, ты согласился, что есть смысл взглянуть.

– Согласился. Но вопрос подразумевался тот, ответ на который я не знаю.

– Ты правда ведешь бухгалтерию?

– И надеваю очки, когда сажусь за ноутбук.

Пытаюсь представить, но мозги в узлы закручиваются.

– Стереотипы – зло, – посмеивается, бросив на меня взгляд и заметив потуги.

– Ты при первой же встрече назвал меня тупой, – фыркаю пренебрежительно.

– Ты оставила ключи в замке зажигания, – замечает наставительно, – и спуталась с Борисовым.

– Ай, – морщусь и бую обиженно: – Это было подло.

– Это был факт. Так куда ты собиралась?

– С подругой встретиться. У меня что, личной жизни не может быть? Мы еще даже на поженились, а ты уже допрос с пристрастием устраиваешь.

– Репетирую. Знаешь, где она?

– Я рассчитывала, что неоднозначность ответа наметит тебе на то, что отвечать я не хочу.

– А я рассчитываю на ответ. Потому что очевидно, понял я правильно, а вот твои следственные мероприятия могут быть опасны.

– Для кого? – хмыкаю.

– Для тебя, разумеется. До сих пор не дошло? Сколько человек должно вломиться к тебе в квартиру, чтобы проняло?

– Десять. Организуешь? – огрызаюсь и отворачиваюсь от него.

– А, я понял. Это я их нанял, по-твоему?

– Может, и ты. А может, Зотов. Или это коллективное решение, не знаю.

– И в чем смысл? Платить бабки, чтобы самим поганить всю операцию.

– Вы так красиво появились, я прониклась.

– И?

– Не знаю, сказала же! – взвизгиваю нервно. – Чего привязался?

– Пытаюсь обнаружить в твоей голове хоть одну извилину. Ты понимаешь, что я тоже иногда сплю?

– Или Даня, – добавляю тихо.

– Мог, – соглашается, немного подумав. – По-хорошему не получилось, решил перейти к другим методам. Зотов вряд ли, он бегать сам не любит, собрал себе для этого свору.

– Ага, один побегал и не догнал, второй догнал, но толку от этого никакого. Герои, – источаю яд по накатанной.

А потом с некоторым опозданием понимаю, что свою язвительность лучше засунуть туда, куда солнечный свет не проникает и по одной простой причине – они оба могут быть непри-

частны. И в самом деле спасли меня как минимум от неприятного путешествия в компании двух отморозков.

– Слушай, – вздыхаю примирительно, – если бы ты рассказал мне...

– Нет, – прерывает резко и даже расшифровывает: – Ты безрассудная и неуправляемая.

– Это нечестно. Ты меня подставил. А я даже не знаю, случайно или специально, – Родион молча сопит и хмурится, а я закрепляю успех: – Зотов сказал, что знал, кто к нему устроился. Ты, уверена, тоже. Вы же все в одном доме живете, Господи... а я бывала там тысячу раз. Но суть в другом. Ты не мог не знать, в чью машину садишься. Я – тупая, но ты-то нет.

– Это мог бы быть отличный отвлекающий маневр, – цедит недовольно. – Если бы ты в это время была в другом месте.

– И на чем бы я в это другое место уехала? – хмыкаю грустно. – Ночь на дворе.

– На машине того же Борисова.

– С какой стати?

– А с какой еще стати тебе устраиваться в дыру вроде «Дублина»?

– Уже объясняла. И я понятия не имела, что оба бара принадлежат одному и тому же владельцу. Точнее, одним и тем же.

– «Гавана», «Дублин», «Прага», «Париж», «Стокгольм», – перечисляет с ленцой. – Есть еще. Я ни на что не намекаю, но названия тебе ни о чем не говорят?

– Что у владельцев убогая фантазия, – иронизирую и отворачиваюсь, пряча дрожащие обидой губы и слезы в глазах.

– Это я придумал. По-моему, прикольно. Интерьер и обстановка соответствуют, как и меню, в том числе барное. Ты просто злишься, что я тыкаю тебя носом в очевидные вещи.

– Я не злюсь, – отвечаю спокойно и украдкой вытираю болото из-под носа, чтобы не шмыгать.

– Ты невнимательная. Ты не можешь сама за себя постоять. И ты нереально красива, что автоматически добавляет головной боли, потому что становится очевидно, даже если тебя захотят убить, сначала этого захочешь ты сама. И черт! – рывкает неожиданно. – Я не хочу быть виновником этого, но буду! Потому что ты права! Втянул тебя я!

– Потому что невнимательный, – бурчу тихо и смачно шмыгаю носом. – Спасибо.

– За что? – выдувает раздраженно.

– За красивую.

– Ты только это услышала?

– Теперь я еще и глухая?

– Ты невыносимая.

– А представляешь, как жить со мной?

– Мы даже видеться не будем.

– Так ты хочешь просто запереть меня в своей квартире? – фыркаю нервно. – И на каком она этаже? На двенадцатом?

– На седьмом.

– Превосходно...

– Этот вопрос можно решить.

– Я категорически против.

– Значит, не будешь подходить к окнам.

– Я категорически против выходить за тебя! – ору, не выдержав.

– Ты передумаешь, – внушает упрямо, – потому что я им нужен. Вне зависимости от того, кто это придумал и реализовал, на мне завязаны все финансы. Я единственный в команде, кого не получится просто так заменить.

– Рада за тебя.

– Моей жене также никто не рискнет причинить вред, потому что я сильно разозлюсь и кого-нибудь покрошу в фарш.

– Рада за твою жену.

– В первую брачную ночь выпорю тебя. Ремнем.

– Мечтай.

– Только этим и остается заниматься, раз ни на шаг от тебя отойти не могу.

– Теперь я еще и мешаю?

– Не помогаешь уж точно.

Открываю рот, чтобы парировать, но он останавливается у строения, куда меня должны были доставить. И увиденное не нравится мне абсолютно.

– Кто еще знает о твоей фобии? – уточняет Родион негромко, подаваясь к рулю и осматривая нечто бетонное в пять этажей без стен.

– Брат, Крис, Даня, – перечисляю тихо, представив себя на самом последнем этаже и вжавшись в сиденье.

– И все? – удивляется, поворачиваясь ко мне.

– Мне удавалось скрывать свою убогость, – криво ухмыляюсь.

– Ты не убогая, – хмурится. – У всех есть страхи.

– И у тебя? – интересуюсь, повернув к нему голову.

– Конечно.

– Какие? – оттягиваю момент, когда придется выйти и посмотреть в лицо своим.

– С недавних пор я боюсь засыпать. Сиди тут.

Он выходит, а меня вдруг охватывает состояние, близкое к панике. И вскоре оно лишь усиливается.

Глава 9

Как на иголках. Вожусь, ерзаю, как зачарованная смотрю на его широкую спину, постепенно удаляющуюся. Все-таки, он огромный. В сравнении со мной в особенности. Сила ощущается даже на расстоянии, но не из-за мускулатуры даже, от него уверенностью прет так, что в ногах слабость появляется. Через все это величественное тело мощный мужской стержень, и как бы я не стремилась вывернуть скудные факты, навешивая на него всех собак, я ему верила. Каждому слову. Он – надежный. Такой никогда не обидит. И, возможно, он в самом деле мой единственный шанс выпутаться, но я никак не могу перестать огрызаться и выводить его, точно под спину кто-то толкает, нашептывая проверить, есть ли лимит у его терпения. Наверное, той ночью в машине еще на первом повороте меня приложило головой гораздо крепче, чем я думала.

Он уже пару минут как зашел в здание, и не видеть его – ужасно нервно. Прилипаю к окнам, пытаюсь выловить взглядом его силуэт на одном из этажей, но только голова кружиться начинает и подкатывает тошнота.

Отстегиваюсь, приоткрываю дверь, чтобы вдохнуть поглубже ставшего прохладным к вечеру воздуха. Ошибка. На сегодняшний день – главная ошибка в жизни, по масштабам последствий переплюнувшая даже связь с Борисовым.

Руку с дверцы убрать не успеваю, кто-то просовывает в салон свою и хватает меня за запястье. От испуга перехватывает дыхание, крикнуть не получается. Мужчина бьет по дверце ногой, распахивая шире, выволакивает меня на землю. Успеваю вскинуть голову, сообразить, что это тот второй, что вломился ко мне сегодня, набираю в грудь воздуха, готовясь закричать во все горло, но он подло бьет меня ногой в солнечное сплетение и единственной моей заботой становится попытка сделать новый вдох.

Это страшно. Когда не можешь дышать, когда собственное тело не слушается. Паника такая острая, что я даже не сразу понимаю, что он тащит меня куда-то, ухватив под руки. Чудовищное состояние, я хватаюсь за собственное горло, хриплю, но ничего не происходит. И только возле бетонного монстра я немного прихожу в себя, делая первый рваный вдох и оказывая хоть какое-то сопротивление. Вторая ошибка. Сначала нужно было крикнуть как следует, а уж после – брыкаться.

Мужчина зажимает мой рот, подтягивая выше, но я все равно верещу что есть мочи. Затягиваю носом воздух и повторяю до тех пор, пока мы не поднимаемся на этаж. Вдалеке мелькают деревья, а моя решимость тает на глазах.

Родион начал подниматься по другой лестнице. Наверняка достиг последнего этажа, когда я решила «подышать». И даже если услышал сдавленные крики, этот ублюдок вполне успеет скинуть меня. Это будет последнее, что он сделает, сомнений в этом почему-то нет, но зачем-то же он тащит меня? Может, у него семья. А денег за мою смерть заплатят столько, что и пожертвовать собой не жалко. Или он задаст те же вопросы, что и все, а кто-то послушает, находясь поблизости. Или он убьет Родиона, когда тот придет за мной.

От последней мысли становится еще страшнее. Зачем я позвала его? Снова пытаюсь спрятаться за чьей-то спиной и делаю этим только хуже!

Кажется, я уже даже не дергаюсь. Не понимаю, что вокруг происходит, все кружится и никак не желает останавливаться. Я словно на детской карусели, а какой-то шутник мешает сойти, раскручивая только сильнее.

– Замри! – рявкает мужчина неожиданно.

Я зажмуриваюсь, увидев самый край, а он разворачивает меня спиной к пропасти, вцепляется в запястье и дергает рукой, толкая назад. Из груди вырывается неясный стон отчаяния

и ужаса. Я упираюсь пятками в бетонную плиту, в самую кромку, а мое тело парит в пустоте, под наклоном. И от падения меня удерживает только неизвестный ублюдок.

– Отпустишь ее и сдохнешь сам, – гремит Родион поблизости.

– Подойдешь еще хоть на шаг, я отпущу ее, – мерзко сообщает мужчина.

Делаю единственное, на что способна в данной ситуации – кое-как выворачиваю руку и хватаюсь за его. Полетишь со мной, подонок!

Глаза не открываю, боясь потерять сознание, обмякнуть и упасть раньше времени, сосредотачиваюсь на голосе Туманова.

– Что ты хочешь?

– Ты спускаешься, – командует неизвестный, – сядишь в свою тачку и уезжаешь. И резче, я не смогу держать ее долго.

– Хорошо, – соглашается Родион, а мне в грудь простреливает разочарование.

Вот так просто? Сядет в машину и уедет, оставив меня этому ублюдку? Даже не попытается спасти? Или другого варианта попросту не существует?

– Слабак, – хмыкает Туманов напоследок. – Она почти ничего не весит.

– Да пошел ты! – раздражается мужчина.

Я чувствую, как его ладонь становится влажной. Он впивается пальцами в мое запястье, но если Родион в самом деле не поторопится, я наитупейшим образом выскользну.

Через секунд десять не выдерживаю и все-таки открываю глаза. Все-таки смотрю вниз. И вместе с поросшей сорняками и крапивой землей вижу руку помощи этажом ниже.

«Господи, нет», – хнычу мысленно.

– Я не слышу мотора! – кричит мужчина.

Родион молчит, чтобы не выдать себя. Стоит у самого края, я вижу его и вытянутую руку с расставленными пальцами. Одна нога чуть заведена назад, на полшага, обе согнуты в коленях. И это – мой единственный шанс.

Господи... а если у него не получится? Что за дикий тест на доверие?! Я не смогу! Нет, Боже, нет!

– Три, – негромко произносит Туманов.

Я разжимаю руку мужчины, выставляю вторую вперед, перпендикулярно телу, делаю короткий неглубокий вдох, снимаю одну ногу с плиты и солдатиком падаю вниз на остановке сердца.

Слышу, как вскрикивает мужчина, потеряв равновесие. Понимаю, что он отпустил мою руку, падая спиной назад. Чувствую, как пальцы Родиона проскальзывают от локтя к запястью. Ни черта не соображаю, я умерла в те секунды. И воскресла, когда ощутила на запястье его стальную хватку и рывок вперед.

Туманов падает на спину, утягивая меня за собой. Я падаю на него, ударившись левым коленом и локтем о бетонный пол.

– Все хорошо, – говорит быстро, обхватывая меня обеими руками и вжимая в себя.

И от этого давления я окончательно стыкуюсь с реальностью, срываясь в истерику.

Господи, я никогда в жизни так не рыдала! Так горько, громко, захлебываясь! Меня никогда так не утешали, гладя по голове, зацеловывая волосы, крепко-крепко обнимая. Я думала, не смогу остановиться, в груди точно снаряд сдетонировал. Но, проплакавшись и пригревшись, через какое-то время могла лишь всхлипывать ему в грудь.

– Теперь ты выйдешь за меня? – ослабляет захват и ласковым движением убирает волосы с моего лица.

– Только если все расскажешь.

– Точно выпорю, – бормочет на выдохе.

Глава 10

Родион садится, а я покрепче обхватываю его за шею. Когда встает вместе со мной, стискиваю его торс ногами, скреживая за его спиной в щиколотках. Глаза держу закрытыми. Он поддерживает меня под бедра, хотя это и не требуется: я так крепко держусь за него, мог бы идти, будто меня и нет.

Когда спускаемся, решаю, что на ручках гораздо спокойнее и даже попытки не предпринимаю спуститься на землю.

– Взгляну, что от него осталось, – говорит тихо.

Мычу что-то, борясь с тошнотой. Вдыхаю его запах во весь объем легких. Так лучше, так спокойнее.

– Ты умница, – хвалит неожиданно. – Я разные варианты прокрутил, но ты выбрала оптимальную траекторию из возможных. И руку подала, молодец. Это было просто. Ударилась?

– Выжила, – вздыхаю тихо и трусь носом и щекой о его шею. – Спасибо, Родь.

– Я пока на адреналине, – сообщает, выбираясь из зарослей на тропинку, – но скоро меня сморит. И я останусь спать у тебя.

– Хорошо, – соглашаюсь, внезапно почувствовав смущение.

– На смену в бар отвезу сам. Там Зотов будет околачиваться, нет нужды пасти. Приеду вечером, – раскладывает, останавливаясь у машины и открывая дверцу.

Понимаю, что пора бы уже и честь знать. Расслабляю ноги, сползая по нему. Чувствую его руки на своих ногах, потом на ягодицах, голый из-за задравшейся футболки пояснице. Животом пересчитываю каждый кубик его пресса. Щеки пылают... сердце разгоняется... а отстраняюсь с таким трудом, точно в нас магниты вшиты, прямо под кожу. Ох, не к добру это.

– Думаешь, Зотов не при чем? – продолжаю разговор, разглядывая крошечный белый логотип на его черной футболке.

– Стопроцентной уверенности нет, но тебе ничто не угрожает.

– Почему?

– Он уже понял, что если с тобой что-то случится, я расстроюсь. Сильно. И крайним будет он. Так что присмотрит, как за своей.

– А я, типа, твоя? – прыскаю, сдерживая глупую улыбку.

– Без типа. Моя.

Отходит, позволяя мне пролезть в машину, что я тут же и делаю. Захлопывает дверцу, а я украдкой прикладываю прохладные ладони к обжигающе горячим щекам.

«Это все понарошку», – напоминаю себе, пока он обходит машину.

– Не понимаю, зачем тогда расписываться, – рассуждаю, когда он садится и пристегивается. – Показались на людях, все всё поняли. Ну, могу у тебя пожить немного, пока ты разбираешься.

– Я не съезжаю с женщинами и никого к себе не вожу.

– Ну, тем более. Раз привел, все серьезно. Могу в невестах походить, но придется раскошелиться на кольцо.

– Может, до свадьбы и не дойдет, – соглашается с кивком, – но только при условии, что организатор быстро проявит себя. Но съехаться придется, а значит, предложение быть должно. И все, кто знают меня, знают и то, что тянуть я не буду. Сказала «да», подали заявление, пошла выбирать платье и никаких «пождем до следующего лета» и прочей чуши. Буду тянуть, все поймут, что не отношения, а фуфло.

– Какой ты... решительный.

– Такой характер. Не повезло тебе.

– Организатор чего? – роняю невзначай.

- Завтра, Саш, – вздыхает обреченно.
- Правда расскажешь?
- Ты выставила условие, я достиг той точки, когда готов на него согласиться. Видеть, как ты летишь с высоты – не самое приятное зрелище.
- Седьмой этаж...
- Решу.
- Почему-то кажется, я знаю как, – бурчу себе под нос.
- Отличная возможность продемонстрировать Даниилу, что свою возможность он благополучно просрал, – флегматично пожимает плечами. – Что не устраивает?
- Все устраивает, – мямлю негромко.
- Так не пойдет. Я должен знать, что у тебя в голове. По голосу слышу, расстроилась.
- Я жила там с другим мужчиной. Я любила его там и думала, что он – меня. Мы там... на всех, блин, поверхностях. Тебе, якобы влюбленному, как?
- Родион с такой силой сжимает руль, что набухают вены на руках. Видимо, представил.
- Об этом не думал.
- Можно второй. Терпимо.
- Терпимо – это не ко мне, – режет раздраженно. – В доме два подъезда, две квартиры на первом. Одна мимо, значит, нам нужна вторая. Буду думать, как ее получить.
- Другой дом – не вариант?
- Последний. Гораздо удобнее держать всех на виду. Можно зайти, почуяв дым. Как вчера.
- Поняла. Но там же кто-то живет, да?
- Сто процентов. Мы свои выкупали на стадии котлована, как и остальные. Мужика с первого, чью купил Борисов, грохнули весьма кстати.
- Не Даня же? – бормочу ошалело.
- Нет, конечно, он своими руками только сиськи мять умеет и, надеюсь, подтирать жопу.
- Я ничем подобным точно не занималась, – заверяю поспешно.
- Это радует, – с трудом давит улыбку. – Не знаю, как бы смог смотреть на тебя после такого.
- Дурак, – фыркаю и смеюсь, не выдержав.
- Зотов мог, точнее, его парни, – говорит вдруг. Абсолютно серьезно. По спине летит мороз, но с комментариями не лезу. – Но это не мои методы. Выясню, кто там обитает, дальше буду думать.
- Геморрой на пустом месте, – вздыхаю.
- Разве? – хмыкает. – Одна из первостепенных задач мужчины – сделать жизнь своей женщины простой и комфортной. Совместное жилище – фундамент.
- Квартира отца на втором. Жила как-то...
- Как-то – не ко мне.
- Довыдываешься, не дам тебе потом развод, – пытаюсь перевести все в шутку.
- Подвешу тебя за ногу с крыши, подпишешь что угодно, – подкалывает, а я веду плечами и бросаю взгляд на его ручищи. Может себе позволить.
- Возразить нечего, от мерного рева мотора и пережитого клонит в сон, но чуть только начинаю клевать носом, он ворчит:
- Куда собралась? Развлекай меня беседой, если не хочешь, чтобы и я вырубился.
- Простой и комфортной, Родион, – бормочу сонно и пристраиваюсь поудобнее, ехидно ухмыляясь.
- Никто не идеален, – нагло похлопывает меня по бедру.
- Мог бы рассказать о том, что происходит, – замечаю пространно.
- Это – точно на свежую голову. Хочу послушать о твоей семье. О детстве.

– Ничего интересного... и ты и так знаешь. Брат – участковый, папа – алкаш. Мама умерла, когда мне три было, а Ваське шесть.

– Что случилось? Молодая еще.

– Она в круглосуточном магазине работа, продавцом. Хотели ограбить. Точнее, ограбили, она всю кассу выгребла. А потом сообразили, что опознать может, по голосу, – хмыкая горестно, а он зачем-то берет меня за руку. – Ножом в живот и деру. Пока зашел посетитель, пока скорая...

– Мне жаль. И ее судьбу ты не повторишь, даю слово, – сжимает мои пальцы, а я прикрываю глаза. Приятно. Забота, участие, прикосновение. Он. Черт...

– Бабушка по папе тогда еще жива была, она к нам перебралась, – продолжаю говорить, чтобы не заикливаться на собственных ощущениях. – Папа работал. Выпивал, но нечасто. А через год и ее не стало, тогда уж сорвался. Но мы мелкие, ничего не соображаем, это я уже от соседок позже наслушалась. К тому моменту, как начали понимать, папа уже так плотно пристрастился, что только рукой махнуть. Он на водке только и функционирует: вроде помногу и не пьет, но часто. Мне кажется, если его зашить, сразу все органы одним махом откажут.

– Вряд ли это именно так работает. Буйный? Ты там про шкаф что-то говорила.

– Нет, ни в коем случае! – ужасаюсь даже мысли. – Папа хороший, нас с братом никогда не обижал. Наоборот, баловал, в меру возможностей. И работал до самой пенсии, токарь он у меня. Поселок-то заводской, ну, ты знаешь, наверное. Или погоди, ты из другого города же?

– Из этого, – улыбается. – Я вырос, окончил приличный ВУЗ, и мы вернулись. Маме тут лучше, знакомых много. Да и на кладбище столько родни, считай, корнями вросли. Так что со шкафом?

– Папа один никогда не пил, – морщусь от воспоминаний. – В основном сосед с пятого приходил. Он сам-то тоже спокойный, но уж больно компанейский. Под его песни начали захватывать другие. Папе много не надо, он принял и вырубился, а этому скучно, двери нараспашку. Полезла мразь... а мне куда деваться? Когда совсем труба, к соседям сбегала, принимали. Потом другой выход нашла, шкаф свой, людям-то чужим сколько можно досаждать? У всех своя жизнь.

– Отцу говорила?

– Говорила. А толку? Он соседа отчитал, тот покивал, а потом все по-новой. Брат пытался объяснить, что им не рады, но куда ему с тремя-четырьмя мужиками тягаться? Да и работал он в ночь часто, те тоже не дебилы, когда он дома не лезли.

– Ясно. Кем работал?

– Охранником на складе. Без оформления, он в шестнадцать начал. Копейки, но... не лишние. В восемнадцать сразу пошел в полицию. Тоже копейки, но его, плюс Иришкины, наскребли на съемную, меня забрали. Три года у них прожила, после занятий в магазине консультантом работала, хоть на оплату обучения накопила. А потом отучилась, на работу легко устроилась, квартиру сама сняла, сильно проще стало. Ну и... Борисов, чтоб ему его жена что-нибудь отгрызла, – последнее злобно бубню, глядя на свои колени. – Не уснул?

– Нет, – ведет большим пальцем по моим, а у меня сердце в низ живота ухает и растекается там в сладкой истоме.

«Зараза», – вздыхаю мысленно, осторожно высвобождая свою руку.

В квартиру прохожу первая. Включаю свет, разворачиваюсь иставляю руку ладонью вперед, не давая ему войти.

– Саш, блять, я серьезно, – устало прикрывает глаза. – С ног валюсь, пусти.

Безжалостно гашу рвущуюся улыбку, придаю своему лицу суровое выражение, разворачиваю руку ладонью вверх и выдаю строго:

– Паспорт.

Родион таращится мне в глаза секунды три, а потом начинает гоготать в голос, попутно доставая портмоне из заднего кармана джинсов.

Глава 11

Он – улыбается, подперев плечом стену. Я – с невозмутимым лицом листаю документ, удостоверяющий его личность. Сравниваю фотографию с оригиналом, слегка сощурившись. Он сдавленно смеется, но послушно досматривает спектакль до конца. Пока я мобильный не достаю и не начинаю гуглить, как проверить паспорт на подлинность.

– Так, все, – прерывает, заглянув в экран моего телефона. Выдергивает свой чистенький, безо всяких там лишних штампов паспорт из моих рук, убирает в портмоне и разувается.

– Зря... – тяну с отвращением, глядя на загаженный песком и грязью пол.

– Сполоснуться в кроссовках не получится, – пожимает плечами. – Выдашь полотенце?

– Ага, – брякаю и сбегая в единственную комнату, на ходу разуваясь.

В голове кружат картинки, как он раздевается в моей ванной комнате и абсолютно обнаженный встает под душ. Все эти струйки воды по накаченному телу, прилипшие к коже волоски...

Выдыхаю через сомкнутые расслабленные губы, надувая их. Долго копаюсь в шкафу, выбирая банное полотенце поприличнее. А потом вдруг слышу, как включается пылесос. Выхожу с розовым пушистиком в руках, а он уже коридор в порядок приводит.

Учиться, что ли, пойти, чтобы хоть на толику быть достойной этого мужика? Хотя, до его уровня мне с прыжка не дотянуться. Повезет кому-то. А мне бы просто вернуть свою жизнь под контроль, не до всей этой чепухи. Ухнула уже однажды, до сих пор разгребаю.

– Машинка с сушилкой? – спрашивает, закончив и убрав пылесос обратно в кладовку. Отвечаю ему натянутым неискренним смехом. – Понял.

В итоге в ванну иду первой, а пока моется он, готовлю постель. Меняю простынь... достаю вторую подушку и одеяло, краснея от того, что придется спать с ним рядом.

– Я готовился к кухонному полу, – комментирует, зайдя в комнату в одних трусах.

Я очень хочу отвернуться, честно. Но не могу. Вот не могу и все тут, хоть тресни. Я даже не знала, что в теле столько разных мышц! И что каждая может выпирать таким аппетитным бугорком...

– А если кто-нибудь опять притащится без спроса? – выкручиваюсь. – Рановато для ссоры.

– Логично.

Ложусь на самый край, одеяло до подбородка. Он – выключает свет и делает то же самое. Засыпаю только когда слышу, что уснул он. А просыпаюсь со щекой на его ладони, обнимая его выставленную вбок руку.

Растерянно моргаю, Родион хмыкает и задевает кончик моего носа большим пальцем.

– Если не будешь слишком долго собираться, успеем доехать до Кристины, – говорит лучшее, что только мог.

Подрываюсь и опрометью несусь в ванну, а когда выхожу, он встречает одетым, но с мокрым лицом, и ворчит:

– Даже полотенца на кухне нет.

Прыскаю и наотмашь луплю его по руке расслабленной ладонью.

– Я достала тебе новую зубную щетку.

– Кайф, – ухмыляется и протискивается в ванну, слегка оттеснив бедром.

Закрывается, а я размышляю. Завтрак готовить или чего не так подумает? А если готовлю, не буду ли выглядеть еще глупее? Шесть утра всего, поесть точно успеем. И как одеться? Удобно или красиво? Краситься или перебор? А потом смотрю на себя в зеркало и нахожу ответ сразу на все вопросы.

Дура.

Омлет со всем, что есть в холодильнике, растворимый кофе, мое недовольное лицо – это ему на завтрак. Безразмерная футболка и шорты, не скрывающие стесанных коленей – это ему на десерт.

Лопает все без возражений и как будто бы даже с удовольствием. Но молча.

– Рассказывай уже! – выпаливаю, не выдержав зрелища, как роскошный мужик на моей скромной во всех возможных смыслах кухне моет посуду.

– В машине, – обещает, аккуратно составляя чистые тарелки на пластиковую сушилку.

– Спасибо за завтрак. И за то, что позволила нормально поспать.

– Спас же, – пожимаю плечами, опуская глаза.

– В покер играла? – задает неожиданный вопрос в машине.

– Нет, – отрицательно мотаю головой.

– Я – да. Увлекательно, если в конце никого не убивают.

– Что? – округляю глаза, а он плавно трогается.

– Вот и мне не понравилось. Представь картину. Отец недавно скончался, месяца три назад. Еду на район, с риелтором встреча. Надо квартиру продать, жить там все равно никто не будет, только налоги платить. Захожу в качалку, поностальгировать. На удивление еще функционирует, да и лиц знакомых много. Треним, общаемся. В раздевалке ко мне подходит один мужик и просит в долг. Так и так, рак, лечиться не на что, а пожить охото. Лям, в залог квартиры. А мужик – один из тех, кто моего отца отметелил в свое время, то есть, по сути, шанс на нормальную жизнь дал. И у него жена и дочь, какой залог? Дал так. Но, думаю, на это и был расчет.

– Шантаж какой-то, – бурчу, представив эту прорву денег.

– Возможно. Хотя, как я понял, он все же планировал отдать. Но, не выгорело. Через месяц снова с риелтором встреча, приезжаю, узнаю новости – помер. И не от рака, хотя ему реально там оставалось немного. Пуля в голову. И одно это мне не понравилось, зашел к его супруге за подробностями, а она на меня с порога с кулаками. Мерзавец, последние дни жизни отобрал и прочее. Я, мягко говоря, в ахуе. Отловил Ленку, дочь. Она на четыре года младше меня, с мужиком своим живет отдельно. Рыдает, не слушай мать, совсем с горя обезумела. Пригрозил, что долг ей отдавать придется, если не расскажет, испугалась, выложила. Оказалось, отец ее подписался на какой-то покерный турнир с жесткими правилами. Ставишь либо бабки, либо жизнь.

– Господи! – снова распаиваю глаза. – Совсем что ли?!

– Терять ему было нечего, – флегматично ведет плечом. – А если бы поднял денег, то хоть семью бы обеспечил. И, судя по тому, сколько он занял и что в итоге все-таки умер, то есть, поставил сильно больше, чем было, срубить можно прилично. Этим и заманивают пушечное мясо.

– Но при чем тут «Дублин»? Или...

– Именно. Думаю, турниры там и проводят. Вряд ли это разовая акция.

– Откуда вывод?

– Он был там накануне смерти. И серьезно подрался. Как думаешь, зачем?

– Зачем? – переспрашиваю на автомате, хлопая ресницами.

– Чтобы в случае, если начнут проверять и найдут его кровь, этому было объяснение и свидетели. Что-то вроде перестраховки со стороны организатора.

– Поэтому после той драки ты там и лазил, – заключаю, сообразив.

– В точку. Но то ли время выбрал неудачно и спугнул, то ли в тот день ничего не намечалось, хрен пойми. Но разобраться надо. Если в моем баре мочат народ, рано или поздно это аукнется. А кто владелец, с того и спрос. Причем, прилететь может не только со стороны погон, но и с совершенно неожиданной. Некто, лишившийся родителя, кормильца, брата, свата и далее по списку.

– И ты думаешь, кто-то из твоих компаньонов настолько debil, что проворачивает подобное? – удивленно вскидываю брови.

– Азарт, – предполагает, но не слишком-то уверенно. – Денег прорва, а жить скучно. Как один из вариантов, проверить который надо в первую очередь.

– Сам в это не веришь.

– Очень не хочу. Они оба без царя в башке, но за этим там я. Чтобы думать.

– А остальные?

– Зотов – рука разящая. Охрана, ну и... разное бывало поначалу, врать не стану.

– Но и рассказывать не буду, – добавляю со смешком, а Туманов щелкает пальцами и направляет на меня указательный:

– Именно.

– А Даня?

– Бабки, маркетинг. Пиздеть и тянуть из бати кровно нажитые у него получается превосходно. Наш скромный поначалу стартап спонсировал именно он.

– Каждый на своем месте.

– В том-то и дело, – морщится. – Замену можно найти любому, со временем. Но край как не хочется. И, судя по тому, что случилось на стройке, не только мне. Он в легкую мог затаиться и пристрелить меня. Бросил тебя у края и мое внимание к окружению резко ушло в ноль. Но тогда бы ему не заплатили.

– Да поняла я, поняла, – посмеиваюсь над ним, – ты неприкосновенен.

– Только это? – бормочет себе под нос.

– Ну... – тяну долго и тупо, не желая озвучивать догадку.

Вдруг он не о том, что моя безопасность для него превыше его собственной? Неловко будет. Еще более неловко, чем косить под идиотку.

– Почти приехали, – резко меняет тему, сворачивая во дворы. – Не удивлюсь увидеть парней Зотова.

Паркуемся за пару домов, идем пешком. Не понимаю зачем, но не спорю, загруженная новой информацией и размышлениями. А когда почти доходим до подъезда, и он утаскивает меня за угол, прижимая к стене, и вовсе теряю дар речи.

– А Борисов тут за каким чертом? – цедит Туманов сквозь зубы, осторожно выглядывая, и только в тот момент я понимаю, что его пылкость не совсем то, о чем я подумала.

А жаль.

Глава 12

– Почему мы прячемся? – шепчу и едва не взвизгиваю, когда он дергает меня за руку, садясь сам и утягивая за собой.

– Потому что прячется он, – говорит обычным голосом и кивает на крадущуюся по двору машину. – Тачку сменил, а привычки остались, – хмыкает весьма презрительно.

Ну да, Даня обычно предпочитает низкие зализанные седаны и видеть его за рулем покусанной ржавчиной девятки, мягко говоря, непривычно. Помимо этого, он еще и в кепке, которые вообще-то не выносит, потому как портят идеальную прическу, и в футболке.

– Надеюсь, хотя бы не в шортах, – бурчу, провожая машину взглядом. – К чему этот маскарад?

– Вот и мне интересно. Вполне мог захватить и на своей. В конце концов, никто не мешает ему разбираться с той же проблемой, что и все. Но он предпочел нелепо шифроваться. Пойдем, – резко встает и выдергивает меня, как сорняк из огорода.

– Эй, полегче, – ворчу, потирая плечо. – Болит еще, вообще-то.

– Забыл, – морщится. – Носи открытую одежду, так будет удобнее. Хотя нет. Безразмерные футболки – отлично. Тебе идет.

Растерянно хлопаю ресницами, а он хватает меня за здоровую руку и решительно шагает в сторону тротуара.

Когда подходим к подъезду, из него выходит женщина. Брючный костюм, тугой зализанный пучок, волосы с некрасивой проседью, очки в тонкой оправе, большая кожаная сумка, набитая какими-то бумагами до такой степени, что у нее одно плечо ниже другого опустилось под тяжестью, еще пачку прижимает к груди второй рукой. Но тяжелее этого саквояжа только ее презрительный взгляд, которым она смиряет мои сбитые колени.

– Я, блин, упала! – огрызаюсь на нее, не ожидав подобной реакции.

– Разумеется, – женщина вздергивает верхнюю губу, проходя мимо, явно показывая свое отношение.

– А он вообще бухгалтер! – зло бросаю ей в спину.

– А я – космонавт, – отзывается насмешливо, даже не обернувшись. – Двор шалав, – цедит тихо, ускоряя шаг. – Устроили тут притон!

– Нет, ты видел?! – возмущаюсь и смотрю на Туманова круглыми глазами и с приоткрытым ртом.

– Тебе не все ли равно? – пытается тактично съехать, но во мне все аж бурлит.

– Ни хрена... – протягиваю раздраженно. Выдергиваю свою руку и спешу нагнать хамку.

– Эй! – оббегаю ее и встаю наперерез. – А теперь скажите мне это в лицо. Как Вы там меня называли?

– Я спешу, отойди, – борзо вскидывает подбородок женщина.

– А мы не знакомились, чтобы Вы мне тыкали, – ставлю ее на место, с удовольствием отмечая, как багровеет ее лицо.

– Я сказала, я спешу, – шипит, теряя терпение.

– Вы меня оскорбили. Считаете, это адекватно? – встаю в позу, скрещивая руки под грудью. – Или вы уже дошли до того возраста, когда с лавочки тыкают пальцем в тех, кто помоложе и клеймят без разбора?

– Идите-ка Вы, – кривляется, делая акцент на обращении, – к своей подружке-шлюшке, а мне дайте пройти!

– А детей, которые с велика падают, Вы потом теми же определениями награждаете? – продолжаю ехидничать.

– Какой велик! – срывается на крик. – Совсем обнаглели! Манерам она меня учить тут будет! Я что, не знаю, где вы, шлюхи, мужиков богатеньких окучиваете? Мужской клуб, – кривляется, брызжа ядовитой слюной и дергаясь так, что листы из стопки падают на землю, но она даже не замечает. – Самый обыкновенный бордель! Так вот вам обоим сюрприз! Шлюхи нужны только для одного! Для развлечения! Отошла! И сутенера своего отзови, пусть не дышит мне в спину! – отталкивает меня и быстро удаляется, злобно царапая побитый тротуар низкими каблуками. – Оскорбилась она!

– Теперь понятно, откуда такая осведомленность, – ухмыляется Родион, разглядывая поднятые с тротуара листы А4.

– Я похожа на шлюху? – вскидываю подбородок.

– Ты похожа на шипящего на кактус котенка, – дает исключительно ласковую характеристику, от которой я почему-то смущаюсь и машинально приглаживаю волосы. – Пойдем, – по-свойски обнимает за плечо пониже моего ранения и подталкивает в ту же сторону, в которую ушла психованная хамка.

– Почему мы уходим? – ворчу, неохотно переставляя ноги.

– Потому что узнали кое-что любопытное, а Кристины дома нет.

– С чего ты взял? Мы даже в дверь не позвонили.

– С того, что, если и появилась, ее уже увели парни Зотова.

– Зачем мы тогда вообще ехали? – бубню недовольно.

– Потому что ты хотела. И толк от этого был.

– Какой? – немного смягчаюсь, а он хмыкает.

– Я узнал, что ко всему прочему, ты еще и взбалмошная.

– Поздравляю, – раздраженно отталкиваюсь от него, но он снова притягивает поближе.

– А еще, что Кристина работала в мужском клубе «Зорро». Название дебильное, но все встает на свои места, когда там оказываешься.

– Ты ходишь по подобным заведениям? – брезгливо кривлю губы, скашивая на него взгляд.

– Быстро же ты составила свое мнение о месте, в котором никогда не была, – отмечает со смешком. Намек улавливаю и настроения осознание не добавляет. – Там прилично. А еще – тихо. И можно свести знакомство с полезными людьми.

– Как ты понял, что она именно об этом месте, а не о каком-то другом?

– Да тут все написано, – показывает мне какие-то непонятные распечатки. – Юридическое название организации в шапке документа. Скорее всего, она сама там работает. Не в зале, а в душном кабинетике за столом, но даже прикид похож. С некоторыми поправками.

– Допустим, она видела там Крис. Что с того?

– Борисов очень уважает это местечко. Собственно, я о нем узнал именно от него. Так что не исключено, что в «Дублине» она появилась с его подачи.

– Как и я? – хмыкаю, все еще раздраженная стычкой.

– Возможно.

– А цель? – с ухмылкой смотрю на него. – Или теперь и я замешана в этом покерном сумасшествии?

Родион останавливается и трет лоб.

– Не знаю, – отвечает предельно честно. – Но даже если так, остальное не меняется.

– А остальное – это что? Наша пышная свадьба в кругу близких? – веду плечом, избавляясь от его руки. Отхожу на шаг в сторону и разворачиваюсь, чтобы выразить недовольство в лицо. – А папу моего позовем или алкоголикам вход воспрещен? А брата? Или это спектакль чисто для твоих, а моим и знать необязательно?

– Позовем кого захочешь, Саш, – мягко говорит, как с сумасшедшей, которой я наверняка и выгляжу в своих нелепых претензиях.

– Плевать, – бросаю грубо. – Ты обещал отвезти меня в бар.
– До смены еще три часа, времени полно.
– И чем мы будем заниматься? Ты – обвинять меня в сговоре с какими-то убийцами, а я – пытаться бездоказательно доказать, что не верблюд?

– Планировал заехать за кольцом.

– Я его еще и сама себе выбрать должна? – издевательски фыркаю. – Как романтично!

Разворачиваюсь и иду куда глаза глядят, с каждым новым шагом чувствуя себя все большей идиоткой.

Господи, вот же устроила... Еще на одно колено ему встать предложила бы. Несет меня совсем не в ту степь, надо бы как-то курс скорректировать и свои девичья грезы засунуть себе куда подальше. Он просто пытается сохранить мне жизнь.

– Извини, – выпаливаю, разворачиваясь.

– Нет, ты права, – соглашается вдруг и я вновь на мгновение допускаю мысль, но он руководствуется исключительно логикой: – Вдруг кто увидит. Выберу сам, размер заедем подбить вместе. А на счет твоего участия, преждевременных выводов я не делаю.

– Грустно, что вообще мысль допускаешь, – проговариваю через дрожащие губы, старательно сдерживая подступающие слезы. – Но, мы едва знакомы. Понимаю.

– Саш, – вздыхает и тянет ко мне руку, а я завожу свою за спину.

– Все правильно. Разбирайся, я не буду мешать.

– Спасибо, – говорит серьезно.

«Но и сидеть смирно не обещаю», – думаю с обидой, продиктованной, как не прискорбно признавать, не к месту появившимися к нему чувствами.

Глава 13

Зотов сидит на барном стуле и следит за мной взглядом. Минут двадцать уже этим занимается и что-то мне подсказывает, планирует продолжать всю оставшуюся смену. Ту, которая начнется только через час.

– Ты рано, – разжимает челюсти, озвучивая, похоже, единственную мысль.

– И правильно, – отвечаю едко, окидывая выразительным взглядом бардак за барной стойкой.

– Пришлось самому смену отпахать, – пожимает плечами. – Замену не нашел. Есть еще подружки-барменши?

– Вообще-то, есть, – улыбаюсь пошире. – А вот отважных работать в этом притоне – нет, – заканчиваю уже на серьезной mine.

– Как грубо, – закатывает глаза Дмитрий. – И ложь. Хороший бар.

– По вашей логике, я вру, как дышу. Что тебя удивляет?

– Я не удивился. Кто на хвост наступил с утра пораньше? Или здоровяк не оправдал твоих ожиданий? Могу предложить свои услуги, опыта побольше будет.

– Вот объясни мне, – нервно смеюсь, снова вспомнив ту хамку: никак не отпустит случайная встреча, – почему если у женщины много партнеров, она шлюха, а если у мужика, он крутой мачо?

– Че-то я не готов обсуждать вопросы мироздания на сухую, – кривится Зотов. – Плесни что-нибудь.

– Еще двенадцати нет, – замечаю укоризненно.

– Тогда шампанского! – делает величественный взмах рукой и гогочет над своей шуточкой.

Ну, ок.

Пятьдесят грамм шампанского, двадцать грамм абсента.

– Прошу, – кланяюсь, ставя перед ним бокал.

– Это еще че? – смотрит на бледно-зеленую жидкость с подозрением.

– Смерть после полудня, – отвечаю охотно, и он вновь разрывает пустой бар гогомом. Смотрю на наручные часы и бурчу: – Время пошло.

Коктейль Зотову пришелся по вкусу. А чтобы не палиться перед мужиками с «мензуркой» в руках, он прикончил девять штук чуть ли не залпом еще до открытия и в подсобку шел уже не такой уж и твердой походкой.

– Реально шеф вчера за баром стоял? – шепчу охраннику, подошедшему через пару часов за стаканом воды.

– Бредишь? – вскидывает брови Ден. – Кружки, рюмки и ящик водки на стойку выгрузил и свалил.

– И что, все платили? – удивляюсь ответно.

– И про чаевые не забывали, – хмыкает нагло.

– Зачем ему вообще бармен? – бурчу недовольно.

– Для красоты, – подмигивает Ден, залпом выпивает стакан воды и отходит к двери, а я шныряю в подсобные помещения.

Нахожу Зотова в его кабинете, похрапывающим в кресле. Мстительно ухмыляюсь, торжеству минут на десять, тру губы до красноты и возвращаюсь в зал, выставляя на стойку тот же набор, что озвучил охранник. Он, конечно, мои манипуляции видит, сразу же подходит и шипит, перегнувшись через стойку:

– Ты чего это удумала?

– Мне к врачу надо, – оповещаю беспечно. – Шеф разрешил, только от него, – Ден парень глазастый, видел, куда я отходила, но все равно дергается в сторону двери. – Не рекомендую, – роняю игриво. – Он отдыхает.

– Бабы, – с ухмылкой качает головой охранник и возвращается на свою позицию, а я ускоряюсь.

Выхожу через главный вход, непривычно щурясь на яркий свет, иду в сторону остановки, а когда дохожу до угла здания, бросаю взгляд на вход для сотрудников. Еще немного ускоряюсь, но курящие у двери мужчины все равно меня замечают.

– Эй, куда! – выкрикивает один.

Замечаю автобус, в который заходит последний пассажир, буквально отталкиваюсь от асфальта и несусь к нему, одной рукой придерживая рюкзак, а второй размахивая, подняв повыше. Двери закрываются, водитель автобуса включает поворотник, готовясь отъехать, я слышу топот за спиной и почти теряю надежду, но тут двери снова открываются, и я влетаю внутрь с сильно бьющимся сердцем.

– Господи, вот привязались-то! – восклицаю плаксиво и всплескиваю руками, глядя на то, как стремительно приближаются двое, а водитель автобуса, похоже, именно их и поджидает.

– Закрывайте! Двери закрывайте! – орут на несколько голосов, но командирский кондуктора отчетливо прослеживается среди всех.

Водитель закрывает двери прямо перед носом двух разъяренных мужиков, а я едва сдерживаюсь, чтобы не помахать им ручкой с ехидной улыбочкой. Ахаю, охаю, благодарю и выслушиваю сетования редких пассажиров, охотно поддакивая. Тепло и громко благодарю водителя, и схожу на следующей остановке. Номер маршрута они явно запомнили, да и к машине вернулись, так что нужно сменить транспорт и траекторию, но для начала понять, куда именно держу путь.

Нет, план у меня, конечно, был. Но бар находится в подвале и интернета там нет, так что адрес клуба «Зорро» я смогла посмотреть только сейчас. Отключила телефон, немного прогулялась в нужном направлении, чтобы уж точно ни на кого не нарваться, а затем тормознула маршрутку на перекрестке и спокойно доехала до центра. После еще прошла и уже в три часа дня водила любопытным носом поблизости.

Вход для сотрудников нашла не сразу: дверь практически сливалась со стеной. Постучала, бестолку подергала ручку и заняла выжидательную позицию. И еще три гребаных часа настырно прохаживалась поблизости, пока не появились две девушки, идущие прямо на дверь.

– Подождите! – кидаюсь к ним со всех ног, успев отойти на приличное расстояние. – Привет, – выдыхаю, догнав.

– Привет, – отвечают недружно и переглядываются.

– Крис сегодня работает, не знаете? – спрашиваю с мольбой в голосе, а они снова переглядываются, но с ответом не спешат. – Рязанцева, брюнетка, глаза карие, – перечисляю торопливо, а одна перебивает:

– Да мы поняли. А тебе чего?

– Она меня обещала вашему шефу сосватать. На работу, то есть. И, блин, как испарилась! А я понадеялась уже, в такой дыре сейчас пиво разливаю, вот где уже, – подношу два пальца к горлу и кривлюсь. – Звонки игнорит, обидно. Зачем обещала тогда? Сказала бы, что не получится, я бы и не рассчитывала, – расстраиваюсь окончательно, обреченно опуская руки вдоль тела.

– Ну такое себе, – морщится вторая. – А чего сама не попробуешь? Меня никто не рекомендовал. Сама завалилась. Под лежачий камень, знаешь ли...

– Так можно было? – мямлю, почувствовав себя душой. – Я думала, только от кого-то... Вот блин. Ну... извините тогда. Попробую. А куда идти-то?

– Пошли, – закатывает глаза вторая.

– Умная самая, – неожиданно шикает на нее первая. – Вместо тебя или вместо меня он ее возьмет?

– Не тупи, – фыркает первая. – Разливает, значит бармен. А этих всегда не хватает.

– Я за бар, – поднимаю вверх руки, потому что первая взглядом точно прицеливается.

– Тогда по фигу, – флегматично пожимает плечами и идет к двери, деловито поправив на плече сумочку.

– Хорошее место, – оправдывается за коллегу и, похоже, подругу, вторая, – никто без работы остаться не хочет. А вы с Крис давно знакомы?

– С колледжа, – отвечаю охотно и вижу, как первая трижды грохает кулаком в дверь, и она практически сразу открывается.

– Давно, – делает вывод, удовлетворительно кивая. – Она смену пропустила, точно вылетит. Лучше не говори, что знакомы. Меня Яна зовут. Скажи, с одного района, я с Юго-Запада, больше проку будет. Я тут уже полтора года без нареканий.

Вслед за первой девушкой мы проходим за дверь под придиричивым взглядом охранника. Яна приветственно целует его в щеку и кивает на меня:

– Новенькая в перспективе.

Охранник тихо хмыкает и согласно кивает, а мы идем дальше, нешироким коридором.

– А я реально с юго-запада, – говорю чистую правду. – Заводской поселок.

– Да ла-а-адно, – протягивает Яна с улыбкой. – Три километра разницы, я у железнодорожной станции. Ачуметь. Ну, ты мне сразу понравилась. Сто процентов возьмут.

– Только у меня это... асфальтовая болезнь, – мямлю с отвращением.

– По фиг, одежда закрытая, – отмахивается. – Только дебил подумает, что такие ссадины можно получить, стоя перед мужиком на коленях. Все стояли и как-то без увечий обошлось, – подмигивает мне и останавливается у двери. – Стой тут, зайду спрошу.

Она стучит и заходит, закрыв за собой дверь, а выходит буквально через минуту.

– Удачи, – шепчет, склонившись к моему уху. – Повезло, сегодня Демидов, владелец.

Она уходит, а я нерешительно стучу в приоткрытую дверь.

– Заходи уже, – позволяют с обратной стороны.

Прохожу и едва не морщусь с досады.

– Видишь, – самодовольно ухмыляется блондин, сидящий на краешке стола, окинув меня взглядом с головы до ног. И обращается он явно не ко мне, хоть и смотрит в упор, а к своему посетителю, – какие прекрасные создания ко мне приходят устраиваться. Вам надо серьезно пересмотреть размер оклада, скупердяи.

– Зачетная, – цедит Туманов сквозь зубы, впившись в меня жестким взглядом.

«Мне крышка», – думаю тоскливо, но с намеченного пути сворачивать не собираюсь.

Глава 14

– Еще вопросы, Родион? – ненавязчиво интересуется блондин. – Хочу побеседовать с прекрасной леди.

Леди меня еще никогда не называли, а после шалавы вдвойне приятно, так что я скромно опускаю взор и жду, когда Туманов ответит.

– Нет. Благодарен, – скупно бросает Родион.

Идет к двери. Обычно вроде идет, но у меня такое ощущение, что полы вибрируют. Оторопь в душе рождается, но, когда он оставляет меня наедине с незнакомым мужчиной, разглядывающим меня, точно я на витрине с ценником стою, становится еще хуже.

– Что умеешь? – спрашивает блондин насмешливо, слегка расставляя ноги.

«Вот тебе и леди», – думаю с отвращением и это его движение неожиданно приводит в чувство.

Вскидываю подбородок и встречаюсь с ним взглядом, но отвечаю без гонора:

– Много чего. Колледж по специальности «барное дело» и четыре года практики.

– Готова продемонстрировать?

– За этим и пришла, – веду плечом, и он достает мобильный из кармана, делая звонок с инструкциями.

Вскоре мне выдают форменную одежду, и я понимаю, о чем говорил Туманов. Брюки прямого кроя, тесноватая белая рубашка, застегнуть которую можно только до груди. поверх нее корсет, черная шелковая повязка на голову с прорезями для глаз. Смотрю на себя в зеркало и ухмыляюсь: пикантно, но вместе с тем вполне прилично.

– Точно нужна работа? – ухмыляется блондин, подперев локтями барную стойку и глядя на то, как я ловко управляюсь с двумя бутылками, быстро расправляясь со всеми заказами, что успели накидать девочки официанты. Подбрасываю бутылку и когда она совершает оборот вокруг своей оси, ловлю тыльной стороной ладони. Подбрасываю ее же вверх, ловлю за горлышко, наливаю виски в стакан и пододвигаю к нему.

– Мужчина у меня есть, а вот приличной работы – нет, – отвечаю прямо.

– Нужен приличный мужчина, – отмечает все с той же ухмылкой. – Тогда и работа ни к чему.

– У меня – лучший, – заявляю нахально. – Но он еще не понял, на кого нарвался.

Блондин соображает несколько секунд, внимательно глядя мне в глаза. Оборачивается через плечо, ловит взглядом Туманова, рассеявшегося в кресле с сурово сведенными к переносице бровями, снова поворачивается ко мне.

– Вспомнил, где тебя видел, – вздыхает и трет переносицу. – Ну и что мне с тобой делать?

– Сжалиться. Я сейчас в «Дублине». И смотрит не только он. Почему? Потому что я обалденно выгляжу за стойкой и в этом прикиде.

– И зачем мне эти проблемы?

– Потому что я обалденно выгляжу за стойкой и в этом прикиде, – отвечаю с удивлением и нагло улыбаюсь во все зубы.

Блондин приглушенно смеется и, покачав головой, берет свой бокал. А потом идет договариваться к «моему лучшему», а я перестаю обращать на них внимание и в самом деле увлекаюсь работой, пока не подходит Туманов.

– Рубашки по размеру не было? – уточняет хмуро, встав, как блондин недавно.

– Какую выдали, – равнодушно пожимаю плечами. – Не нравится – не смотри.

– Не нравится, что смотрят остальные.

– Качественно отыгрываешь, но нас никто не слышит, – замечаю пространно, чувствуя, как тянет низ живота, а под ребрами закручивается вихрь из целого коктейля эмоций. – Разве тут положено стоять у бара?

– Мне положить, – чеканит жестко. Раздраженно стискивает челюсти и отворачивается, унимая гнев.

– Наверное, так бы выглядела моя работа, если бы мы в самом деле встречались. Чисто, прилично, никто не подкатывает, – любовно натираю и без того сверкающую чистотой стойку рядом с его рукой. – А еще ты не можешь отрицать вероятную пользу для дела. Смогу спросить девочек о Кристине не привлекая внимания. Да и безопаснее тут, чем в «Дублине». А еще, я в маске, сама на себя непохожа.

– Все продумала, да? – рычит приглушенно, резко повернув ко мне голову.

– Тот, кто должен был охранять меня, нажрался и уснул, – сообщаю ему, глядя в глаза. Тяжело это, моргаю, как дворняжка в ожидании пинка, но смотрю. – А парни его стерегли не тех, кто за мной может прийти, а меня. Чувствуешь разницу? Ему плевать что со мной будет, он беспечен и от него никакого толку. А я пожить еще хочу.

– Я его придушу, – выдыхает и цепляет мизинцем мой большой палец, скользнувший в опасной близости с его рукой. – А тебя – выпорю.

– Нет, – шепчу с неподдельным ужасом, таким разъяренным он выглядит, отрицательно мотая головой.

– Да, – тянет также шепотом, мечтательно прикрывая глаза. – Сегодня работаешь до десяти, в качестве исключения, – оповещает строго, открыв глаза. – Я встречу. Уйдешь раньше, проскользнешь мимо или предпримешь еще что-либо, чтобы улизнуть – на жопу не сядешь. Это ясно?

– Ясно, – бурчу тихо.

Он отпускает мой палец, а я машинально сгибаю свой, не желая разрывать невинный контакт, но быстро спохватываюсь и с удвоенным рвением натираю стойку, боясь поднять глаза и увидеть реакцию в его. Не хочу знать. И вообще сделаю вид, что случайно. Так и было ведь, я не хотела. Черт!

Морщусь и зажмуриваюсь, когда он отходит от стойки, развернувшись ко мне спиной, а потом провожаю его взглядом, ругая себя. Нет, этот фарс точно нужно прекращать как можно скорее. А после – держаться от него подальше. Надеюсь, он тут нечастый гость, мне в самом деле понравилось место.

– А ты не промах, – хмыкает та вторая девушка, что помогла мне с трудоустройством. – Бренди, содовую и кофе, – перечисляет заказ и остается у стойки дожидаться.

– Ты о чем? – делаю вид, что не понимаю, запуская кофемашину.

– Мужика склеили одними своими выкрутасами, – фыркает девушка озорно. – Но прикольно, вообще-то. Крис так не умеет, наливает и все, так каждая сможет. С тобой чаевые делить будет не жалко.

– Вы делите на всех? – удивляюсь, а она пожимает плечами:

– Корпоративная политика. Иначе барменам вообще ничего и никогда. Никто к бару не ходит. Ну, обычно.

– Главное, чтобы это в привычку не вошло, – отмечаю со смешком, играясь с бутылкой. – Мне одного за глаза.

– На свидание позвал? – ахает восторженно.

– Заедет после смены, я сегодня сокращенную, – хвастаюсь, скромно потупив глазки. Вранье – не самая моя сильная сторона.

– Ахренеть, – брякает девушка. – Тоже, что ли, на бар попроситься? Хоть разочек, так, чисто мужика себе найти, – вздыхает, а я приподнимаю брови:

– Всех барменов так вытягивают?

– Ну, не знаю, как насчет всех, но Крис и тебя – уже положительная статистика.

– Так она просто загуляла? – ворчу, составляя заказ на поднос.

– Да кто ж знает, – пожимает плечами девушка. – Но там такой красавец, – закатывает глаза. – Блондин как с обложки, загляденье, а не мужик, – берет поднос и уходит, а я жду следующего заказа, чтобы продолжить разговор.

– А она давно с ним крутит, не знаешь? Мне все покоя не дает это динамо. Нормально всегда общались, она сама предложила, когда узнала, в какой я ситуации, и тут такое.

– Уф... – надувает губы Яна, подняв взгляд к потолку. – Недели три, наверное. Но смены до прошлой не пропускала, хотя выглядела помятой и сонной. Видать, перетрудилась, – фыркает и снова отходит с заказом.

«На двух работах пахать, конечно устанешь тут», – ворчу мысленно.

Интересно, как много в этом клубе бывает блондинов с обложки? Есть, конечно, вероятность, что это не Борисов, но такая ничтожная, даже рассматривать не стоит. Да и по датам сходится. Я кинула клич о помощи, он свел знакомство с Крис, она устроилась в «Дублин», проработала там неделю и уговорила меня. Но зачем? Как он узнал, что я написала сокурсникам? И почему он сам ее ищет, если брать в расчет утро? Она сбежала или что-то случилось? Вопросы все только множатся, а вот ответы на них никто давать не спешит.

Яна еще много раз подходит к бару, как и вторая девушка, Лиза, мы успеваем перебраться парой фраз, но они предпочитают обсуждать посетителей, а я не могу придумать, чего бы такого еще спросить, чтобы не выглядеть подозрительно. В итоге к десяти меня выматывает не привычная работа, а попытка мыслительного процесса. Переодеваюсь уже на автопилоте, на улицу выхожу, едва ноги переставляя, а увидев Туманова и вовсе готовлюсь осесть на асфальт.

Ну чисто жених. Темно-серые брюки, белоснежная рубашка с расстегнутым воротом, в руках сногшибательный букет красных роз. Им в самом деле прибить можно, такой огромный. Слышу хихиканье за спиной и тихое ворчание охранника:

– Двигайте обратно.

Успеваю бросить взгляд через плечо и увидеть любопытных девчонок, прежде чем дверь закрывается.

– Что это? – киваю на цветы, дождавшись, когда он подойдет сам. – Поощрение за послушание или представления ради?

– Наказание, – бросает хмуро. – Они с шипами.

– Мило, – растягиваю губы в подобии улыбки. – Красивые. Поддержать-то дашь?

Туманов на шумном выдохе опускает букет.

– Тяжелее, чем казалось.

– Конечно, – брякаю тихо. – Сколько там? Сотня?

– Не интересовался. И не о том. Садись в машину, – пожимаю плечами и обхожу его, взяв крутой радиус. Устраиваюсь, боковым зрением видя, как он швыряет цветы на заднее сиденье. Вздрагиваю, когда он садится и громко хлопает дверцей. – В «Дублин» больше ни ногой. Тут – вечерняя смена. С семи до полуночи.

– Ежедневно?

– Через день.

– Пять часов через день? – округляю глаза. – Это смешно!

– Это – компромисс. И сможешь поменять график, когда избавишься от меня. Уверен, Демидов будет в восторге. Кстати, он не женат.

От последнего замечания точно удар под дых получаю. Опускаю глаза и сажусь прямо, молча дожидаясь, когда он наконец-то тронется с места и сосредоточится не на мне, а на дороге.

– Давай без резких движений, ладно? – вздыхает примирительно. Молчу. – Саш, – тянет приглушенно, подаваясь чуть вперед, а у меня мурашки по телу волной проносятся. – Перегнул

утром. Не думаю, что ты замешана во всем этом. Точнее, замешана, но как-то иначе и не в том. Борисов что-то мутит, я пока не понял что.

– Правда не думаешь? – мямлю, поворачивая голову.

– Правда. И доказывать это не нужно, – просовывает руку между передними сиденьями, ломает один цветок и протягивает мне. – Мир?

Забираю и подношу к носу, втягивая чарующий аромат. Хотя немного перебивая его запах, которым наполнился салон.

– Надо найти мужика, который набросился на меня в баре и спровоцировал драку, – выдаю на выдохе.

– Драку спровоцировала ты, – замечает со смешком и, бросив на меня озорной взгляд, плавно трогается с места.

Глава 15

- А что мне нужно было делать? – бурчу недовольно.
- Что обычно делают девушки, когда до них домогается пьяный придурок? Визжать и звать на помощь.
- Вот сам и визжи, – огрызаюсь, а он прыскает, – а у меня бутылка под рукой и ни малейшего желания проверять, захочет ли кто-нибудь заступиться. Народец туда, знаешь ли, разный захаживает, а у этого через всю рожу крупными буквами – семь классов.
- Воображаемую надпись ты прочитать успела, а приметы запомнить – нет.
- Если бы знала, что понадобится, сфотографировала бы, – ворчу и бросаю на него хмурый взгляд.
- Ладно, не злись, – посмеивается тихо. – Дам задание сыщику. Сойдет за личное, синяк у тебя приличный.
- Какой еще сыщик? – переспрашиваю обалдело.
- Обычный. На окладе. Не самый бесполезный кадр, должен заметить.
- На окладе? Прямо в штате, то есть, скажем, Даня тоже может к нему обратиться?
- Любой из партнеров. К чему вопрос? – Старательно пересказываю сплетни, Родион внимательно слушает и какое-то время рулит молча, размышляя. – Картинка вырисовывается. Ты молодец, но больше так не делай.
- Не общаться с людьми?
- Не сбегай от меня.
- Во-первых, не от тебя. А во-вторых, ты бы мог завершить мою вылазку еще в кабинете Демидова, – отмечаю не без язвительности.
- Потому что задумка неплоха. Реализация подкачала только, Саш, – бросаю на меня сердитый взгляд.
- А если бы я ей поделилась, ты бы позволил?
- Нет.
- Вот тебе и ответ.
- Моя главная задача – обеспечить твою безопасность.
- Передаю на руки дружку, которого сам подозреваешь во всех смертных грехах, – заканчиваю ехидно.
- Он тебя и пальцем не тронет.
- Именно. И когда я снова буду падать, проследит взглядом.
- Не будешь, – заявляет уверенно, а я тихо хмыкаю, устав припираться. – Нет уж, поясни, – давит, неудовлетворенный ответом без слов.
- Да глупости все это, Родь, – отвечаю мягко. – Ты – ценное звено цепи. Им нужна площадка для проведения турниров, стабильная в легальном бизнесе, это все понятно. Но я – совершенно другое дело. И за мной придут, как только ты отвернешься. У них бизнес простаивает.
- Ты и права, и ошибаешься. А я был уверен, что в деле как минимум один партнер, но теперь сильно в этом сомневаюсь, а значит, ситуация гораздо опаснее, чем казалось изначально. Пока выясняем, с какой целью Борисов заманил тебя в «Дублин», от меня ни на шаг.
- Как ты себе это представляешь? – вздыхаю.
- Это проще, чем кажется, – пожимает плечами. – Для работы мне нужен только ноутбук, к месту не привязан. Остальное – вместе.
- Ты будешь таскать меня с собой? – удивленно приподнимаю брови.
- Мне так спокойнее. Когда ты рядом.

Конечно, он имеет ввиду совсем не то, от чего у меня пульс вдруг ускоряется. Отворачиваюсь к окну, чтобы он не смог ничего прочесть по лицу, бросив взгляд, но кажется, будто моими эмоциями салон наполняется. Точно осязаемые. Прикоснуться, положить на ладонь. Смять и вышвырнуть в окно.

– Мне жаль, что я втянул тебя в это, – произносит негромко. – Есть еще два варианта, но они тебе не понравятся.

– Какие? – уточняю почему-то шепотом.

– Ты уедешь, на время. Где ты буду знать только я.

– Нет, ни в коем случае! – восклицаю и отрицательно мотаю головой. – Они же к брату придут меня искать, у него Иришка беременная! Нет, ни за что. Пусть знают, где я.

– Так и думал.

– А второй?

– Ты умрешь. По документам. Я все устрою.

– Спятил? – мямлю задрожавшими губами. – Папа тогда совсем с тормозов слетит, года не пройдет, как не станет. И Иришка... она меня любит, это нервы, опасно. Нет. Ни в коем случае.

– Тогда привыкай к моему присутствию. Быстро это не закончится.

– Хорошо, – выдыхаю, успокаиваясь. – Какой план на завтра?

– Завтра дома. Мне нужно спокойно поработать и подумать. Никто не удивится, что мы закрылись на сутки.

– Заедем за продуктами? Холодильник пустой.

– Твоя лучшая идея, – улыбается и открывает карту в телефоне, присматривая кругло-суточный супермаркет поближе к моему дому.

Через час проходим в квартиру. Он – боком, нагруженный пакетами. Я – пружиню свой букет, пытаюсь не радоваться его наличию.

– Палево, вообще-то, – приподнимает сумки и опускает их на пол. – Оде в таких случаях думают в последнюю очередь.

– Не знаю, Родь, – фыркаю, стягивая кроссовки. – На тебя посмотришь, вполне можешь и совмещать.

– Если девушка широких взглядов, – ухмыляется и наклоняется, развязывая шнурки.

Глупо хихикаю, представив картину, и сбегая к кладовке, несколько увлекшись в своих фантазиях. Наливаю ведро ледяной воды, борюсь с соблазном окунуть в него голову и вздрагиваю, когда он спрашивает из-за спины:

– Не поднимай. Куда поставить?

– Да где-нибудь в комнате не на проходе, – бормочу, неловко меняясь с ним местами в тесном пространстве.

Разбираю продукты, он заканчивает с цветами и приходит помогать. То и дело сталкиваемся, соприкасаемся, голова уже кругом от него.

– Тебе спать не пора? – брякаю, когда терпение заканчивается.

– А тебе?

– Я планировала готовить. У меня по графику смена, все равно не усну.

– Надо менять этот твой график, – ворчит и продолжает этим заниматься, выходя с кухни: – Ночью надо спать или трахаться. Третьего не дано.

С тоской кошусь на дверь, мысленно выбрав второй вариант. Закрываю поплотнее и бахаю на плиту кастрюлю под мясо.

Через три часа, обливаясь потом, крадусь в душ. Снимаю повязку с плеча и, решив, что рана достаточно затянулась, с наслаждением встаю под прохладные струи. Выхожу, обмотанная полотенцем, слышу тихий стук ложки о тарелку. Заглядываю на кухню и начинаю сдавленно смеяться, придерживая на груди свое одеяние.

– С ума меня свела этими запахами, думал сдохну, – жалуется и закидывает в рот очередную порцию. – Вкусно, Саш. Не думал, что ты готовить умеешь.

– По ресторанам мне не на что ходить, – пожимаю плечами и сглатываю обильно выделившуюся слюну, так все аппетитно выглядит. И борщ, и мужик, сидящий на моей кухне в одних трусах и уплетающий мою стряпню.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.